

Тема 1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Конфликтология преподается в высших учебных заведениях России с середины 90-х гг. XX в. В настоящий момент в ведущих университетах страны созданы кафедры конфликтологии, а для выпускников направления «Конфликтология» с квалификацией бакалавр и магистр принят Федеральный Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования третьего поколения.¹ Так, в СПбГУ образовательная программа по конфликтологии появилась в 1999 г. как результаты усилия Центра конфликтологии Института социологии РАН и ведущих преподавателей СПбГУ. По этой программе подготовлено уже несколько сотен специалистов, причем конфликтология включена в учебные планы подготовки специалистов разного профиля как учебная дисциплина, синтезирующая проблематику и представляющая исследовательский инструментарий социологии, политологии, социальной психологии, правоведения и экономической теории.

1.1. Дисциплинарный и профессиональный статусы конфликтологии

Академические институты, правительственные федеральные и региональные аналитические центры и профессиональные ассоциации в нашей стране проявляют устойчивый интерес к теме социального конфликта с конца 80-х гг. XX в. Завершение советского периода российской истории, осмысляемое сегодня как «крупнейшая геополитическая катастрофа», сопровождалось дезорганизацией культурной системы, кризисом социальных институтов, этносоциальными конфликтами, переделом собственности, острой политической борьбой, пересмотром границ и административно-территориального устройства России. Социально-психологические проблемы, сопровождающие коренные изменения в обществе, – фрустрация, «рывок поколений» – таков далеко не полный перечень оснований актуализации конфликтологической проблематики в научных исследованиях и учебных программах.

Имеющиеся в арсенале отечественного обществоведения конца 1980-х – начала 90-х гг. схемы восприятия и описания конфликтов были явно не до-

¹ Единое окно доступа к образованию. URL: <http://window.edu.ru/resource/631/73631> (дата обращения: 11.11.14).

статочны. Серьезной практической проблемой стала неразвитость институтов регуляции социальных конфликтов, легитимных форм их разрешения. В такой ситуации были востребованы объясняющие схемы, разработанные представителями западной гуманитарной науки. Впечатляющий пример Запада, накопившего огромный опыт регулирования социальных конфликтов, с его «либеральным государством» и «обществом всеобщего благоденствия» стал изучаться и пропагандироваться. По мере крушения надежд на интеграцию с Западом и осознания глубины различий социальных привычек и стереотипов массового сознания западного и постсоветского российского общества окрепло убеждение, что при осмыслении конфликтов в российском обществе нельзя игнорировать национальные традиции, иной, не западный опыт описания и разрешения конфликтов. Отвергнутые на рубеже XX–XXI вв. модели, объясняющие глобальное противостояние двух сверхдержав идеологическими причинами, создали определенный вакуум, который тут же стал заполняться неолиберальными мифами о конце истории, о передовом центре и отсталой периферии. Начало XXI в. наглядно продемонстрировало, что выражение «специалист по конфликтам» может иметь и зловещий смысл. «Цветные революции», протестные выступления, гражданские войны, сотрясающие мир, подтверждают эффективность социальных технологий, базирующихся на древнем принципе «разделяй и властвуй».

Конфликтология в качестве сферы практики занимает определенное место в системе социальных институтов – прежде всего, в органах власти, непосредственной задачей которых является регулирование конфликтов между субъектами легального порядка, в формах «конфликтологического менеджмента» как составной части управленческой деятельности и в медиации. Конфликтолог – это специалист, владеющий различными методиками прогнозирования, описания, диагностики конфликтов, их регулирования с целью снижения интенсивности и насильственности, наконец, их предупреждения в различных сферах социальной жизни.

1.2. Мировоззренческие основы современной конфликтологии

Понятие конфликта (противоборства, противостояния, борьбы, соперничества, войны) на уровне обыденного сознания устойчиво ассоциируется с «неизбежным злом». Признавая распространенность конфликтов и в этом смысле их «нормальность», призывая к их объективному анализу, в некото-

рых случаях даже указывая на их плодотворность для развития личности и социального обновления, все же не возможно абстрагироваться от негативной оценки конфликта, резервируя позитивные ассоциации за его антиподом – понятием согласия (единства, единодушия, сотрудничества, мира). Такое отношение к конфликту глубоко укоренено в историческом опыте народов, в историко-культурных традициях, имеет прочное вероисповедальное обоснование в христианской антропологии, восходит к идее «первородного греха». Ветхий Адам, противопоставивший свою волю Божественной воле, тем самым обрек человека на борьбу за выживание, на конфликт с самим собой и себе подобными.

Точка зрения гуманитарных наук предполагает отказ от оценочных суждений и оперирование только «социальными фактами» (Дюркгейм). Отношение к конфликту, его оценка, сами выступают такими фактами, доступными осмыслению. Чтобы осветить мировоззренческие основания характерного для современного общества отношения к конфликту, обратимся к схеме интерпретации «традиция и современность», широко применяемой в поле гуманитарных наук.

Тема конфликта актуализируется в европейском самосознании одновременно с идеей автономного индивида и занимает существенное место в контексте размышлений о «человеческой природе», о формах соединения частного и общего интереса, о природе социальных связей, власти и государства. Наиболее существенным в понимании конфликта для формирующейся на заре нового времени либеральной идеологии было соотнесение этого понятия с идеями индивидуальной свободы, понимаемой как «способность законодательствовать в собственной природе», и равенства – «Бог создал людей равными в отношении их физических и нравственных способностей». В этом пункте очевиден разрыв нарождающегося модерна с основами мирозерцания традиционных обществ, для которых идея автономного индивида была чужда и абсурдна (Аристотель), идея же неравенства людей по природе и основанная на нем иерархия в семье и государстве, напротив, естественна. В самосознании так называемых современных обществ свобода и конфликт неразрывно соединяются. *Естественное состояние*, в которое основоположники либеральной идеи (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Руссо) помещали человеческого индивида, было состоянием свободы в ее наиболее абстрактном опре-

делении произвола, с необходимостью, порождавшей состояние конфликта – взаимное отрицание индивидуальных волей.

Общественный договор, призванный найти разумное соединение частного интереса с интересом всеобщим, обеспечивая при этом индивиду более развитую конкретную форму свободы, не исключал конфликта, а создавал формы, в которых столкновение волей не превращалось в их взаимное уничтожение. Соответственно, только в *общественном состоянии* разворачивается собственно социальный конфликт. Именно с динамикой социального конфликта связана процессуальность общественного договора. Индивиды, имеющие неотчуждаемые права, реализуют свои частные интересы, корнящиеся в человеческой природе (а для нее, по выражению Канта, характерна «недоброжелательная общительность»), и необходимо сталкиваются с другими индивидами. Общественный договор, препятствующий индивидуальному произволу (исполнительная власть), полагающий меру (законодательная власть) и дающий всеобщие средства разрешения конфликтов (судебная власть), удостоверяет и тем самым воспроизводит себя в качестве действительного. Всеобщая воля никогда не совпадает с частным произволом, лишь гипотетически выражается в воле большинства и тем самым оставляет простор праву против нарушенного права, восстановлению действительного общественного договора.

Классическая либеральная идеология в разных версиях – охранительной (Т. Гоббс) и радикальной (Дж. Локк, Ж. Руссо) – рассматривала социальный конфликт в контексте понятий свободы и права, в качестве внутреннего момента реализации общественного договора. Порвав с вероисповедальным обоснованием, либеральная идеология связала себя с рационалистической философской традицией и антропологией, центральное место в которой занимал тезис о разумности человека. В логическом смысле это означало возможность при анализе социального конфликта в конечном счете апеллировать к всеобщему, к разумной, себе тождественной субстанции – Разуму. Генетическая предпосылка во многом определила направление исследований. О. Конт, в частности, при анализе противоречий современного ему общества в поиске способов их разрешения обращается к моральному порядку, к иерархии добродетелей. Г. Спенсер, исследующий взаимоотношения личности и общества, критикующий и социализм, и современный ему либерализм, обращается к полной свободе для каждого, ограничивая ее равной свободой

для всех. Э. Дюркгейм, пытающийся отыскать способ разрешения многообразных конфликтов обществ «органической солидарности», выражающих аномию, в том числе «грустный конфликт» рабочих и предпринимателей, также обращается к всеобщему – к нравственности.

Самокритика рационалистической философской традиции, кризис европоцентризма, историзация и релятивизация всех основополагающих представлений общественного сознания (человеческая природа, народ, государство), трансформация и диагностируемый отдельными мыслителями конец самой либеральной идеи и критика коммунизма значительно осложнили интерпретацию социального конфликта в рамках классических социологических учений.

В методологическом плане важно прояснить категориальный статус понятия конфликт. Конфликт связан с противоречием, но категория противоречия более абстрактна. Противоречие не обязательно приводит к конфликту. Родовыми категориями для понятия конфликт выступают категории взаимодействия и действия, которые отсылают к соответствующим понятиям: воле, самоопределение, целеполагание.

Конфликт – это форма субъектного, персонифицированного взаимодействия. Это стремление противопоставить свою волю другой, сопротивляющейся ей, стремление, ориентированное на ожидание определенного действия другого. Конфликт, отрицая и оспаривая особенным образом иерархию и основанные на ней отношения господства и подчинения, утверждает равенство. Конфликт предполагает самоопределение и есть проявление свободы.

1.3. Периодизация исторического развития конфликтологии

Существует множество подходов к периодизации истории знаний о конфликте. В данном пособии конфликтология рассматривается только как составная часть гуманитарных наук, а ее периодизация связывается с коренными социальными изменениями, теоретические объяснения которых предлагают гуманитарные науки.

На первом этапе (XIX– начало XX в.) конфликтологическая проблематика разрабатывается в рамках социологии как теории промышленного общества. Центр развития социологии в этот период находится в Европе. Складываются национальные социологические школы и разрабатываются оригинальные концепции: социокультурный подход Э. Дюркгейма (Франция), по-

нимающая социология М. Вебера (Германия), прагматизм микроструктурных исследований Д. Мида (США), концепция цивилизационных циклов А. Тойнби (Великобритания), теория элит Г. Моска (Италия), генетическая социология С. Ковалевского (Россия).

Идея социальной эволюции как единого процесса социальных изменений, закономерно проходящего определенные ступени, была в конце XIX в. господствующей. Основоположники социологии четко различали два общественных типа: традиционное и капиталистическое общество (М. Вебер), военное и промышленное общество (Г. Спенсер), механическую и органическую солидарность (Э. Дюркгейм).

Современность, в противоположность традиции, осмыслялась как индустриализм, капитализм, демократическое социальное устройство, массовая культура. Несмотря на методологические и идеологические различия в теоретических построениях, представители классической социологии были едины в определении сути современного общества. В современном обществе произошло разделение государственной, экономической и гражданской сфер. Экономика носит в нем индустриальный характер и оказывает решающее воздействие на тип общества, социальный порядок, формы сообществ, способы социальной интеграции, формы социализации и способы индивидуализации людей. Социальный конфликт в формах классового конфликта, аномии, борьбы статусных групп, конкуренции культурно-исторических типов пронизывает современное общество.

Индустриальная экономика через отношения к собственности (К. Маркс), через систему функционального разделения труда (Э. Дюркгейм), через профессиональную структуру социальной дифференциации (М. Вебер) определяет способы взаимодействия и общения людей. Она внутренне противоречива, чревата многообразными социальными конфликтами.

Будучи критически и порой обличительно настроенной, классическая социология в большинстве своем была достаточно оптимистична и по отношению к перспективе социальных изменений, и по отношению к собственной перспективе. Социологи предлагали теории социальных изменений и обращались с ними к публике, столь же решительно настроенной на преобразования и реформы. Социологии с ее объясняющими возможностями и способностью к научному прогнозу отводилась в них далеко не последняя роль. Причины социальных конфликтов обнаруживались в основах современного

социального порядка, а перспектива их разрешения связывалась со структурными преобразованиями. Их характер, направленность и темп оценивались по-разному. Скептицизм относительно сроков, присущий Г. Спенсеру с его приверженностью идее «медленного совершенствования человеческой природы», соседствовал с умеренно социалистическим реформизмом Э. Дюркгейма и революционным радикализмом К. Маркса.

Второй этап в истории конфликтологии (20–60-е гг. XX в.) совпал с переходом западного общества из стадии либерального в стадию организованного капитализма. В 20–40-е гг. наблюдается бурный рост эмпирических исследований, сопровождающийся разработкой методологического инструментария социологических исследований. В определенном смысле наблюдается отказ от больших теорий, которые, объясняя все в целом, не могут представить убедительных объяснений отдельных явлений, событий, процессов. Не «великий социальный вопрос» и связанный с ним фундаментальный конфликт, а множество частных проблем (уличные столкновения, конфликты старожилов и эмигрантов, фабричные трудовые конфликты и т. д.) занимают исследователей (Чикагская школа). Социология, отчасти непосредственно реагируя на государственный и корпоративный заказы, теперь берется за народные сюжеты, вникает в частности, изучает локальные предметы и тем самым значительно расширяет сферу своего применения.

Вместе с тем, по мере того, как социология становится уважаемой академической дисциплиной, прежде всего в США, снижается ее общественный резонанс. Теперь социологи не столько говорят о необходимости глубоких социальных преобразований, сколько рассуждают об устойчивости социальных систем, о возможности их адаптации к меняющимся условиям, об их гармонизации.

Ключевой проблемой для исследователей становятся сохранение существующих структур, возможности и методы обеспечения их беспрепятственного функционирования. Они сосредоточиваются на ошибках, возникающих при приспособлении, и преградах, мешающих достижению согласия. Там, где классики социологии говорили о необходимости изменений системы, новое поколение социологов обсуждает условия, при которых происходит адаптация к ней индивидуума. Теперь психологическое относится к категории структурного, и, следовательно, индивидуальные оплошности относятся к социальному конфликту. Анализ социального конфликта замещается анализом

напряженности и психологических ошибок. Главная тема в исследованиях Т. Парсонса – озабоченность элементами, гарантирующими устойчивость социальных структур. Сосредоточившись на нормативных структурах, поддерживающих и гарантирующих общественный порядок, Парсонс рассматривает конфликт как явление, вызывающее разрушительные, разобщающие последствия, которые препятствуют нормальному функционированию системы, как своего рода «болезнь», поддающаяся терапевтическому лечению. Внеся значительный вклад в теорию социального контроля и понимание природы «напряженностей», характерных для разных социальных систем, он не смог развить теорию современного социального конфликта. Уход от конфликта, интерпретируемого как «социальная болезнь», и поиск равновесия, состояния сотрудничества, понимаемого как «социальное здоровье», являются базовыми интенциями для большинства представителей структурного функционализма. Установка: «...как в условиях промышленного предприятия может поддерживаться равновесие, устраивающее различные социальные группы, при котором ни одна из групп в этой организации не противопоставляла бы себя остальным» очень характерна для исследований Э. Мэйо и его школы индустриальной социологии.

Значительное расширение диапазона социологических исследований способствовало включению новых сфер жизнедеятельности общества в содержание социологии и быстрому наращиванию объема социологической информации, необходимой для эффективного управления. Это помогало повышению авторитета социолога в качестве эксперта, консультанта, советника в разработке и принятии общественно значимых решений. Социолог обращается к заинтересованным группам и профессионалам, озабоченным сохранением общественных ценностей и минимизацией группового конфликта: к руководителям, педагогам, психологам, работникам социальной сферы, религиозным лидерам, позиционируя себя как специалиста по улаживанию социальных конфликтов и выстраиванию человеческих отношений.

На фоне безусловного доминирования системно-структурных и системно-функциональных идей в 50–60-е гг. XX в. социология, как и все послевоенное мировое сообщество, идеологизировалась, что проявилось как война радикальных критиков и апологетов современного капитализма, как раскол структурных функционалистов и конфликтологов. Теоретическим вызовом

структурному функционализму стала так называемая конфликтологическая парадигма.

На третьем этапе (он начинается в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в.) в социологии вновь происходит смена концепций. Появляются новые теории общества, которые выражают и осмысляют существенные социальные сдвиги – теории информационного, технотронного, постиндустриального общества. Меняется и природа социального конфликта: как в глобальном измерении, так и в масштабе локальных сообществ возникают новые формы конфликтов в сфере коммуникаций. Новейшая социология пытается осмыслить влияние культурно-символического производства на государственно-политическую сферу, сферу труда и формы социальной организации, повседневную жизнь людей.

С начала 1990-х гг. теоретические построения социологии неразрывно связаны с осознанием глобализации как ключевой тенденции современности. Идеологическое противоборство и экономическое, технологическое, военное и культурное соперничество двух сверхдержав, двух миров с тяготеющими к ним народами «третьего мира», за самоопределение которых шла борьба; «холодная война», гонка вооружений, – вот категории, в которых осмыслял себя мир вплоть до конца 80-х гг. XX в., когда распад Советского Союза и социалистического блока лишил актуальности эти объясняющие схемы. В конце XX в. широко востребованным оказался неолиберальный миф о глобальной победе Запада, но уже первое десятилетие XXI в. показало всю его несостоятельность. Окончание холодной войны не принесло глобального мира и процветания. Глобальные экономические кризисы, обострившееся соперничество за глобальное лидерство, череда оранжевых революций в западных странах, хрупкость системы международной безопасности заставляют модернизировать классические объяснения и вырабатывать новые подходы к осмыслению современного глобального мира и перспектив глобальных конфликтов. Глобализация заявляет о себе не только на межгосударственном уровне, но во всем объеме социальных взаимодействий, повсюду пересекая границы, но и возводя новые барьеры. Современные социальные конфликты, даже локальные, имеют глобальное измерение. Сущность глобальных конфликтов, их объяснение и прогнозирование – предмет острейших дискуссий, в которых принимают участие представители академической науки, политики, идеологи, наконец, заинтересованные граждане.

Существенная трансформация принципов и приемов социологического познания связана и с проникновением социологической культуры Запада в азиатский, южноамериканский и африканский регионы. Теоретическое осмысление современного социального конфликта требует от исследователя освоения культурных традиций, существенно различающихся в отношении к конфликту, к оценке его причин и последствий, его значимости и допустимости, к возможности его регулирования.

Контрольные вопросы

1. Какое место занимает конфликтология в системе гуманитарных наук?
2. В чем состоит профессиональная квалификация конфликтолога?
3. Сравните отношение к конфликтам в традиционном и современном обществе.
4. Объясните связь понятий «свобода», «конфликт», «общественный договор» в европейском самосознании.
5. В чем состоит своеобразие основных этапов развития конфликтологии?
6. Почему тема социального конфликта утратила свою актуальность в послевоенной социологии?
7. С чем связан теоретический интерес к социальному конфликту в российском обществе?
8. Назовите значимые для вас социальные конфликты.
9. Какие объяснения глобальных конфликтов вам известны?
10. Какие конфликты порождает глобализация?

Тема 2. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КОНФЛИКТА

В данном разделе пособия не ставится задача подробного изложения классических и современных социологических учений. Классическая социология привлекается как источник объясняющих моделей, схем интерпретации, типологических понятий, которые сохраняют свою актуальность для современных исследований социального конфликта. Классики социальной теории, представляя различные идеологические ориентации и создавая оригинальные социологические концепции, по-разному осмысливали особенности современного им промышленного общества и присущих ему социальных конфликтов. Противоречия труда и капитала и, соответственно, классовый конфликт и формы его движения в политической сфере – в центре внимания

К. Маркса. Свобода товарообмена и конкуренция как форма движения конфликта статусных групп подробно исследовалась М. Вебером. Духовный авторитет, научная организация труда и общественной жизни в целом как средства разрешения социальных конфликтов пропагандировались О. Контом.

2.1. Социал-дарвинизм: конфликт как объясняющий принцип

«Борьба за существование и выживание – единственный закон природы, который не только не возможно, но и не нужно изменять» (У. Самнер). Социал-дарвинизм – обобщающее наименование для различных идейных течений, возникших после появления популярнейшей книги Ч. Дарвина «Происхождение видов» (1858). Социальный дарвинизм предложил объясняющий принцип социальной эволюции по аналогии с биологической эволюцией. Борьба за существование (выживание, самосохранение, развитие) сообществ, групп, индивидов, в которой выживает сильнейший, т. е. наиболее приспособленный – постояннодействующий фактор социальной жизни. Г. Спенсер различал два типа общества: военное общество и промышленное и указывал на различие форм и средств борьбы за существование, присущее им. В военном обществе преобладают военные конфликты, а победитель уничтожает или порабощает подчиненного. В индустриальном имеет место промышленная конкуренция и побеждает «сильнейший» в отношении усердия, интеллекта, изобретательности. Такого рода борьба является благом для всего общества, а не только для победителя, поскольку в результате растет интеллектуальный и моральный уровень общества в целом, объем общественного богатства. И наоборот, альтернативой такого «естественного» отбора является выживание людей с низким интеллектом и слабой волей, что ведет к снижению качества общества в целом. Другие представители социал-дарвинизма – У. Беджгот, Л. Гумплович, У. Самнер, – отстаивая универсальность принципа борьбы за существование, подчеркивали, что эта борьба разворачивается не столько между индивидами, сколько между группами. Соответственно, они изучали межгрупповой конфликт и внесли весомый вклад в исследование самих социальных групп. Предметом анализа стала связь межгруппового конфликта и внутригрупповой сплоченности. Обычаи, привычки (стандартизированные поведенческие образцы) интерпретировались как определенные виды защиты и нападения в процессе борьбы групп за существование. Были предложены категории, которые и

сегодня используют социологи и психологи. Так, были разработаны категории «мы-группа» или «внутри-группы» и «они-группа» или «вне-группы». Отношения «внутри-группы» характеризуются сплоченностью, групповым фаворитизмом, а отношение к внешней группе – враждебностью. Самнер разрабатывал предложенное Гумпловичем и ставшее хрестоматийным понятие этноцентризма, определяя его как взгляд, согласно которому собственная группа, разделяемые ее членами ценности и нормы, представляются человеку естественными, нормальными и правильными, а все остальные – определяются и оцениваются по отношению к своей группе.

Сегодня признана несостоятельность притязаний социал-дарвинизма на статус научной социологической теории. Чрезмерное упрощение и вульгаризация объяснений социального поведения в творчестве этих писателей были подвергнуты основательной критике внутри социологии. Характерно, что едва ли не первыми критиками социал-дарвинизма выступили русские мыслители. Н. Я. Данилевский критически рассматривает мировоззрение и методологию дарвинизма, а П. А. Кропоткин в книге «Взаимная помощь как фактор эволюции» показывает, что взаимопомощь, альтруизм, бескорыстие играют в выживании сообществ не меньшую роль, нежели борьба за реализацию собственных интересов.

Побежденный в теории социал-дарвинизм не исчез. В массовом сознании, в словах и делах политиков, идеологов, владельцев крупных капиталов его доводы в пользу права сильного во внутренней и внешней политике сохраняют силу убедительных аргументов. Да и эмпирических подтверждений довольно. Одна треть населения планеты в начале XXI в. находится в состоянии войны. Так, в 2002 г. в мире произошло 37 военных конфликтов с участием 30 стран (их общее население составляет 2.29 млрд человек). Само приписывание социальным конфликтам статуса естественности и вечности способствует их оправданию, что в хрупком глобальном мире опасно и не продуктивно.

2.2. Марксизм: классовый конфликт

Классовый подход, доминировавший в советском общественном сознании, сегодня не популярен. В исторический архив сданы идеи диктатуры пролетариата, интернациональной пролетарской солидарности, мировой пролетарской революции. Теории стратификации среднего класса, подпитываемые

беспрецедентно высоким уровнем жизни трудящихся классов в экономически развитых западных странах второй половины XX в., привели к разочарованию в марксизме и вызвали поток теоретических ревизий понятий класс, классовая борьба, бесклассовое общество. Невзирая на это, очень многие аргументы К. Маркса приобрели статус доводов здравого смысла. В частности, объяснение всех значимых исторических событий экономическими причинами, борьбой экономических интересов распространено и в теории, и в массовом сознании.

Какие же элементы классового подхода К. Маркса сохраняют актуальность в качестве аналитической перспективы изучения современных социальных конфликтов?

Класс – это социальная группа, объективно определяемая отношением своих членов к средствам производства. Характер собственности – главный признак класса. Но само по себе тождество экономических интересов не позволяет говорить о классе в полном смысле слова, создавая лишь класс в себе, который превращается в класс для себя по мере осознания себя как особой социальной группы со своими интересами, противостоящей другой социальной группе. Важным условием этого превращения выступает идеология, которая создается и распространяется в среде рабочего класса интеллигенцией. Эта идеология может иметь самую различную окраску, сообразно культурным национальным особенностям, историческим обстоятельствам. Классовая борьба выступает в формах экономической, идеологической и политической борьбы. Маркс неоднократно подчеркивал, что рабочий класс самостоятельно может сформулировать только экономические цели. Идеология и политика – дело политического авангарда, партии. В индустриальном обществе социальный конфликт – «по преимуществу» классовый конфликт. Как справедливо отмечал Маркс, классы в своей чистоте и абстрактной определенности появляются в промышленном капиталистическом обществе. «Классовый подход» в качестве объясняющего принципа социальных противоречий капиталистического общества затем экстраполируется на всю историю, которая предстает как борьба классов, как цепь социальных революций и, соответственно, упрощается и вульгаризируется. Абстрактность подхода Маркса проявляется при анализе современного ему общества в том, что он полагает, будто конфликт пролетариев и собственников-предпринимателей может быть разрешен только всеобщим образом,

причем олицетворением этого «всеобщего» оказывается пролетариат. Противопоставление рабочего и предпринимателя – субъекта производственного капитала, являющегося организатором производства, сведение их отношений только к эксплуатации, упускает из виду возрастающую значимость управления. Отождествление собственника и предпринимателя, субъекта промышленного капитала и авантюристического, спекулятивного, владения и управления уводит в тень финансовый капитал и связанные с ним социальные группы.

Трансформация капиталистического общества, размывание отношений собственности, новые возможности социального управления, опирающегося на информационные технологии, дифференциация социальной и профессиональной структур, фрагментация социального бытия привели к тому, что классовый конфликт перестал быть социальным конфликтом «по преимуществу»: вместо полярной классовой структуры современное общество являет собой многообразие социальных страт, статусных групп и, соответственно, конфликтов. Перспектива всеобщего разрешения социального конфликта, обрисованная Марксом, также оказалась утопией. Ведь, в конечном счете, преодоление всех форм социального неравенства бессильно по отношению к неравенству людей как индивидуумов, понимание чего и заставляло Маркса отождествлять коммунизм с полным завершенным гуманизмом и возлагать надежды на нравственную развитость человека труда. В этом смысле конструкт «пролетариат» был идеологической интерпретацией логической абстракции «всеобщего». Однако тематизация «всеобщего» в социологических построениях качественно иная, чем в рамках идеологии. В социологических интерпретациях «всеобщее» коренится в сфере социальных условий и предпослано индивиду. Социологическое прочтение Маркса (советский марксизм) сближало его со структурно-функциональным подходом, где «всеобщее» конкретизируется в доминировании структуры над отдельными элементами. В обоих подходах обсуждалось и анализировалось структурное доминирование входящих в общество частичных структур и отдельных элементов. И марксизм – главным образом «советский», – и структурно-функционалистское видение общества с их выраженным социологизмом и застывшими объясняющими схемами продемонстрировали неспособность постичь социальные конфликты современных динамичных обществ. Проблематика же отчуждения, самосознания и идеологии была присвоена леворадикальными

доктринами с их критическим пафосом по отношению к современному капиталистическому обществу и схематизмом тотального конфликта. Рецепция этих подходов, их социально-политическая экспликация и, наконец, попытка их практического осуществления породили трагические социальные эксперименты XX в.

Классовый подход как аналитическая перспектива актуализировался в современном глобальном обществе. И. Валлерстайн, основоположник мир-системного анализа, рассматривает конфликт классов в современной капиталистической мир-экономике.

Определив буржуазию как класс, чьи представители присваивают прибавочную стоимость, не создаваемую ими самими, и часть которой они направляют на накопление капитала, нам следует определить пролетариат как класс, чьи представители часть стоимости, произведенной ими, уступают другим. В этом смысле при капиталистическом способе производства существуют лишь буржуа и пролетарии. Эта поляризация является структурной.

Внутрибуржуазные конфликты как раз и являются частью периодических потрясений, вызываемых в системе неизбежностью экономических спадов; они – составляющая механизма обновления и оживления сущностного движителя системы – накопления капитала. Они очищают систему от большого числа бесполезных паразитов, приводят социополитические структуры к большей согласованности с изменяющимися сетями экономической деятельности и обеспечивают идеологическое легендирование текущим структурным переменам.

В результате роста реального дохода производителей и расширения их формальных прав до определенного момента расширяется и классовое сознание пролетариата. На определенном уровне роста доходов и «прав», «пролетарий» реально превращается в «буржуа» и сам начинает проживать прибавочную стоимость, производимую другим. Разумеется, это прежде всего сказывается в изменении его классового сознания. Возникновение в XX в. таких социальных типов, как бюрократ и специалист, дает ясный пример этого качественного сдвига, который становится действительно наглядным в изменении стиля жизни отдельных подгрупп, их социального самочувствия.

Модель одного пролетария, противостоящего одному буржуа, явно устарела. В действительности прибавочная стоимость, создаваемая непосредственным производителем, проходит целую цепочку людей и обществ. При-

бавочная стоимость, производимая одним пролетарием, следовательно, разделится между многими буржуа. Точная доля различных групп, участвующих в этом сериальном разделе (владельцев собственности, коммерсантов, промежуточных потребителей), переопределяется в соответствии с многочисленными историческими изменениями и сама является принципиальной аналитической переменной функционирования капиталистической мир-экономики.

Эта цепь распределения прибавочной стоимости почти всегда пересекает национальные границы, и если в этом процессе задействуется государство, его вмешательство всегда ориентировано на увеличение доли буржуа государств центра. Таков неравный обмен – механизм универсального процесса присвоения прибавочной стоимости.

То есть «центр» и «периферия» – это только выражения, обозначающие решающий момент системы присвоения буржуазией прибавочной стоимости. Упрощая до предела, можно сказать, что капитализм – это система, где прибавочная стоимость, производимая пролетарием, присваивается буржуа. Когда этот пролетарий находится в другой, по отношению к буржуа, стране, то одним из механизмов содействия процессу присвоения оказывается манипуляция движением потоков через границы государств. В результате появляются модели «неравного развития», которые и резюмированы в понятиях «центра», «полупериферии» и «периферии». Это – интеллектуальный инструмент, который поможет проанализировать множественность форм классового конфликта в капиталистической мир-экономике.

2.4. Дюркгейм: теория аномии

Дюркгейму принадлежит идея аномии – общественного состояния, которое характеризуется разложением системы ценностей, обусловленным кризисом всего общества, его социальных институтов, противоречием между провозглашенными целями и невозможностью их реализации для большинства. Люди обнаруживают, что им трудно координировать свое поведение в соответствии с нормами, которые в данный момент становятся слабыми, неясными или противоречивыми. В периоды быстрых общественных перемен люди перестают понимать, чего ждет от них общество, и испытывают трудности в согласовании своих поступков с действующими нормами. Старые нормы уже не представляются подходящими, а новые, зарождающиеся нор-

мы еще слишком туманны и нечетко сформулированы, чтобы служить эффективными и значимыми ориентирами в поведении. В такие периоды можно ожидать резкого возрастания социальных конфликтов и девиации.

Категория аномии широко применяется для анализа культурных различий, культурных или нормативных конфликтов. Поскольку современное общество в культурном плане представляет собой образование гетерогенное, в нем постоянно будут возникать напряжение и конфликты между различными системами норм и ценностей. Эти системы могут относиться к субкультурам, а значит можно говорить о культурном конфликте между разными этническими группами (русскими и кавказцами, американцами и индейцами), между старожильческими группами населения и трудовыми мигрантами, представителями разных поколений (конфликт отцов и детей), между законопослушными гражданами и преступниками (ценности воровской, криминальной культуры и нормы доминирующей). Конфликт может возникать между не успевшим сойти с исторической сцены старым и активно выдвигающимся новым. Такого рода противоречие присуще быстро изменяющимся обществам. К ним правомерно отнести и нынешнюю Россию. Нормативные конфликты существуют в большинстве человеческих обществ, но их глубина и способы разрешения различны. Когда в культуре встречаются противоречивые или разноречивые нормы, индивид бывает сбит с толку. Современный юноша часто встает перед дилеммой: хранить целомудрие до брака или, следуя предоставленной свободе выбора и ценностям подростковой группы, реализовать сексуальные устремления. Если в рамках одного общества имеется множество субкультур с несходными или противоположными нравами, то контакт между ними всегда вызывает проблемы, а иногда перерастает в конфликты.

Замечено, что чем выше в обществе удельный вес интеллигенции, тем выше вероятность расшатывания нормативной системы культуры. Правда, чем выше материальный уровень жизни населения, тем ниже вероятность такой угрозы. В США и России высок удельный вес интеллигенции, однако материальный уровень жизни населения не одинаков. В результате российская интеллигенция чаще ставила под сомнение и критиковала нравы своего общества, а американская чаще их одобряла. Еще один фактор, влияющий на нравственные устои общества, – это уровень правовой культуры населения. Отмечено, что если демократизация общества происходит на неподготовлен-

ной правовой основе, когда нет жестких законов, охраняющих права и покой большинства людей, и эффективных механизмов их соблюдения, растет число тех, кто считает себя выше закона. В обществе расцветает культ вседозволенности. Причем чем чаще законы нарушают верхи, тем чаще их начинают нарушать низы общества. Рост преступности, числа самоубийств, увеличение числа разводов выступают не столько причиной, сколько следствием разрушения той части культурного единства, которая касается религиозных и семейных ценностей.

Если для Э. Дюркгейма аномия – это состояние безнормности, то Р. Мертон рассматривает ее как проявление конфликта официально провозглашенных целей и доступных гражданам законных средств их достижения. При социализме официально провозглашались принципы равенства и моральной заинтересованности в труде, при капитализме – цели индивидуальной наживы и материального успеха. Но если в том и в другом случае большинству населения одобряемые, законные способы достижения этих целей недоступны, то на его долю достаются только незаконные. Э. Дюркгейм утверждал, что девиация играет функциональную роль в обществе, поскольку девиация и наказание девианта способствуют осознанию границ того, что считается допустимым поведением, и побуждают людей подтвердить свою приверженность моральному порядку общества. Р. Мертон попытался применить дюркгеймовские понятия аномии и социальной солидарности, анализируя социальную действительность США. Для большинства американцев жизненный успех, особенно выраженный в материальных благах, превратился в культурно признанную цель. При этом только определенные факторы, например, хорошее образование и высокооплачиваемая работа получили одобрение в качестве средств достижения успеха. Никакой проблемы не было бы, если бы все американские граждане имели одинаковый доступ к средствам достижения материального успеха в жизни, но беднякам и представителям национальных меньшинств часто доступны лишь более низкие уровни образования и скудные экономические ресурсы. Если же они усвоили цели, заключающиеся в материальном успехе (а это относится не ко всем индивидам), сильные ограничения могут толкнуть их к нонконформизму и совершению нетрадиционных поступков, так как они не в состоянии достичь общепризнанных целей законными средствами. Они пытаются добиться престижной цели любыми средствами, включая порочные и преступные.

Современные профессиональные преступники, члены организованной мафии, наркодельцы имеют много общего с Аль-Капоне, печально известным контрабандистом и грабителем 1920-х – начала 30-х гг., который заявлял: «Мои аферы строго следуют американским правилам, и я намерен продолжать в том же духе... Эта наша американская система... предоставляет всем и каждому из нас великий шанс, надо только ухватить его обеими руками и выжать из него все возможное».

Однако отсутствия возможностей и стремления к материальному благополучию недостаточно для создания давления в сторону девиации. Общество с жесткой классовой или кастовой структурой может не давать всем своим членам равных шансов выдвинуться, но в то же время восхвалять богатство; так было в феодальных обществах средневековья. Только когда общество провозглашает общие символы успеха для всего населения, ограничивая при этом доступ множества людей к признанным средствам достижения таких символов, создаются условия для антиобщественного поведения.

Типология индивидуальной адаптации к аномии

Тип адаптации	Культурные цели	Средства
Конформизм	+	+
Инновация	+	–
Ритуализм	–	+
Ретритизм	–	–
Бунт	±	+

Примечания: + принятие; – отрицание; ± отрицание существующей системы ценностей и замена ее новой системой.

Мертон выделил пять реакций на дилемму «цели–средства», четыре из которых представляют собой девиантные адаптации к условиям аномии (таблица). Так, *конформизм* имеет место, когда члены общества принимают как культурные цели достижение материального успеха, а также утвержденные обществом средства для их достижения. Подобное поведение составляет опору стабильного общества. *Инновация* наблюдается, когда индивиды твердо придерживаются культурно установленных целей, но отвергают одобренные обществом средства их достижения. Такие люди способны обогащаться за счет коррупции, торговать наркотиками, подделывать чеки, мошенничать, присваивать чужое имущество, воровать, участвовать в кражах со взломом и разбойных ограблениях, или заниматься проституцией, вымогательством и

покупать символы успеха. *Ритуализм* имеет место, когда члены общества отвергают культурные цели или принижают их значимость, но при этом механически используют одобренные обществом средства для достижения таких целей. Например, цели организации перестают быть важными для многих ревностных бюрократов, однако они культивируют средства в качестве самоцели, фетишизируя правила и бумажную волокиту. *Ретритизм* состоит в том, что индивиды отвергают и культурные цели, и признанные средства их достижения, ничего не предлагая взамен. Например, алкоголики, наркоманы, бродяги и опустившиеся люди становятся изгоями в собственном обществе: «они живут в обществе, но не принадлежат к нему». *Бунт* состоит в том, что бунтари отвергают культурные цели общества и средства их достижения, но при этом заменяют их новыми нормами. Такие индивиды порывают со своим социальным окружением и включаются в новые группы с новыми идеологиями, например, радикальные общественные движения. Типы индивидуальной адаптации Мертона характеризуют ролевое поведение, а не типы личности, т. е. человек может менять мнение и переходить от одного типа адаптации к другому.

Современные общества, согласно Э. Дюркгейму, характеризуются органической солидарностью и в сравнении с обществами механической солидарности объективно в большей степени способствуют формированию условий для аномии. Концепция аномии сегодня актуализировалась на фоне притязаний разного рода меньшинств навязывать свою волю большинству в качестве общепризнанной нормы.

2.4. Понимающая социология М. Вебера

Большое методологическое значение для анализа социального конфликта имеют принципиальные положения веберовской понимающей социологии. Объяснение причин социальных действий индивидов, а также совместных действий, общественно ориентированных действий, действия на основе согласия, действий социальных групп и коллективов должно основываться на реконструкции смысла этих действий, что заставляет исследователя заниматься интерпретацией мотивов действующих индивидов.

Социальность определяется М. Вебером не субстанционально, а через понятие социального действия, в котором взаимно отображаются мотивация поведения индивидов и объективные условия их жизни. Социальное дей-

ствие в явной или скрытой форме предполагает взаимодействие с другими индивидами. Конфликт – столь же универсальная форма социальности, как и согласие. Конфликт и борьба не отрицают, а напротив, предполагают базовое согласие, общее основание, к которому апеллируют участники конфликта. «В большинстве актов борьбы содержится какая-то степень общественного объединения или согласия ... <...> ... мы повсюду обнаруживаем градуировано увеличивающиеся фрагменты основанного на согласии объединения в общность борющихся сторон ... <...> ... в основе борьбы всегда лежит рациональное объединение в общество, установление которого служит "правилами игры", определяющими форму борьбы». С другой стороны, в самых единоклубных отношениях всегда есть место конфликтным притязаниям и импульсам враждебности: «Мир – не более чем изменение или в форме конфликта, или в противниках конфликта, или в целях конфликта, или, в крайнем случае, в возможностях выбора».

Выделение идеально-типического позволяет отличать социальный конфликт от межсубъектной напряженности и анализировать его в терминах каузального описания в специфической для понимающей социологии интерпретации.

К анализу социальных конфликтов в силу ее универсальности может быть применена типология социального действия.

Целерациональное действие предполагает существование рационально осмысленной цели, по отношению к которой наличные обстоятельства и поведение других рассматриваются действующим субъектом в качестве условий и средств достижения рационально направленных и регулируемых целей. Конфликты целерационального типа доминируют в экономической сфере, в бюрократических формах социальной организации. При этом целерациональный конфликт поддается рациональному описанию и управляем в смысле принципиальной возможности осуществить коррекцию цели и варьировать мобилизуемые средства и целесообразные действия. В логике целерационального действия конфликт никогда не является самоцелью. Напротив, конфликт – это более или менее адекватное цели средство, от которого в принципе можно отказаться при наличии функциональной альтернативы – согласия, договоренности, партнерства.

Ценностно-ориентированное действие. Ценностный конфликт – самый интенсивный, он не поддается разрешению. Если ценности взаимно от-

торгают друг друга, ценностный конфликт может быть урегулирован только за счет того, что конфликтующие стороны меняют тип взаимодействия. Ведь логика ценностно-ориентированного действия исключает возможность для конфликтующих сторон примирить ценности.

Аффективное действие определяется актуальными чувствами и аффектами. В любом обществе достаточно поводов для гнева, враждебности, ненависти и пр. Эти импульсы мобильны в том смысле, что безразличны к предмету и актуализируются в «нереалистических конфликтах», которые, не всегда являясь интенсивными, характеризуются высокой степенью насильственности.

Традиционное действие. С этим идеальным типом соотносится множество социальных конфликтов. Отметим, что сама установка на конфликт может стать традицией или социальной привычкой, транслируемой от поколения к поколению в качестве элемента групповой, в частности этнической идентичности. Столкновение традиций, разрыв с традицией, межпоколенный конфликт, конфликты самоопределения, национального самосознания, сопровождающие процессы модернизации обществ икратно усиливающиеся в эпоху глобализации, – неполный перечень актуализаций традиционного действия. Наконец, имеет смысл говорить о традициях терпимости, толерантности, которые современное общество должно либо создать, либо реанимировать, но в любом случае, чтобы выжить, – культивировать.

В веберовской социологии целерациональное действие наиболее релевантно, поскольку отвечает господствующей тенденции современности – росту значения формальной рациональности. В этом плане представляется очень интересным веберовский анализ тенденций бюрократизации самых разных сфер социальной жизни и расширения границ управляемости человеческими действиями с внешних по отношению к индивиду позиций.

Нереалистичное стремление управлять конфликтами на основе их полной рационализации и сведения исключительно к рационально направляемому подсчету возможных ущербов и выгод сторон несет угрозу автономии индивидуумов, идентичности локальных сообществ, воспринимается как принуждение. Интересно, что последние десятилетия наиболее исследуемыми в обществоведении оказались традиционный и аффективный типы действия, которые, согласно М. Веберу, находятся на периферии собственно социологического интереса.

Класс в качестве субъекта социального конфликта оказался такой же абстракцией, как и индивид. Плодотворным и отвечающим возрастающей сложности современных развитых обществ явилось введенное Вебером понятие статусных групп, «реальных сообществ», имеющих различный доступ к богатству, власти, и социальным почестям. Вебер показывает, что так называемое общество можно понять как состоящее из позитивно и негативно привилегированных статусных групп, члены которых озабочены прежде всего сохранением в неизменности или упрочением влияния ныне сложившегося стиля жизни, установлением социальной дистанции и исключительности, узурпацией социальной почести, с одной стороны, и монополизацией экономических возможностей с другой.

2.5. Формальная социология Г. Зиммеля

Г. Зиммель полагал, что отношение социологии к другим гуманитарным исследованиям подобно отношению геометрии к математическому естествознанию. Поэтому он и называет ее формальной, т. е. исследующей формы взаимодействия людей, которое реализуется в бесконечном многообразии актов и комбинаций. От содержания (потребности, импульсы, интересы) можно абстрагироваться и сосредоточиться исключительно на формах обобществления. Господство и подчинение, конфликт и согласие, создание коалиций и образование партий – примеры таких форм, описанных Г. Зиммелем. Собственно, к этому автору и восходит конфликтология, как отдельная социологическая дисциплина. На определенном уровне абстракции можно проанализировать формальные характеристики конфликта безотносительно к его содержанию, мотивам участников, конкретному содержанию их душевной жизни. Во-первых, важно количество участников. Одиночество парадоксальным образом рассматривается как социальное взаимодействие. Чтобы описать одиночество (предписанное, или добровольное, или вынужденное) как конфликт личности и общества, приходится затрагивать очень широкий контекст взаимодействий. Нет ни одного определения отдельности человека, которое не было бы одновременно определением социальным, т. е. зависело бы именно от многообразия форм обобществления, а не от взаимодействия двух или немногих человек. Во взаимодействии двоих достигается наивысшая степень близости, взаимопроникновения, но это взаимодействие наиболее хрупко и неустойчиво. Отношения не разрастаются до независимого от ин-

дивидов целого, что служит базисом особой интимности. Двойка – это не только первый синтез и объединение, это также первое рассогласование и антитеза. От трех и более участников начинается обобществление в полном смысле слова. При этом увеличение группы – это и увеличение индивидуального пространства свободы, которая присуща человеку в широких и подвижных социальных средах, в то время как малая группа тесна не только по своему объему, узости сферы возможностей и подвижности, допускаемой ею, но и по тому контролю, который она над ним осуществляет. Третий, вступающий во взаимодействие, приносит примирение, переход, опосредование. Третий может быть тем, кто не принадлежит ни к одной из сторон, – непартийным, может выступать опосредующим взаимодействием, помогать ему, разрешать споры. Третий может извлекать для себя выгоду из борьбы двух, быть «третьим радующимся». Наконец, третий может руководствоваться принципом «разделяй и властвуй», быть заинтересованным в разжигании конфликта. Для успешного управления важен учет количества участников взаимодействия. Так, оптимальное обобществление достигается в пятерке, где возможно разделение на большинство и меньшинство, где само взаимодействие может структурироваться различным образом. С анализом конфликта и согласия тесно связано рассмотрение таких форм, как господство и подчинение. Господство – реализация своей воли – всегда предполагает наличие в другом определенного рода заинтересованности: это не просто воздействие одного на другого, но и определенный вид взаимодействия. Количественная определенность опять важна. Начальствовать может один или группа, при этом господствовать всегда легче над большой группой, чем над малой. Во второй слишком сильное влияние оказывают индивидуальные различия, в первой они нивелируются, возникает управляемая масса. В явлении господства отражаются качества личности, а также социальные обстоятельства – господство в силу социально более высокого положения.

Подчеркнем своеобразие формального анализа Зиммеля. Он усматривает проявления обобществления даже там, где большинство представителей классической социологии видели только разложение социальности: в споре, во вражде, в конкуренции. Дело не только в том, что борьба имеет общественное значение, т. е. функциональна в широком общественном контексте. Дело в том, что она сама есть обобществление, причем необходимое, хотя и не могущее существовать безотносительно к другим формам, также как дру-

гие формы коррелируют с конфликтом. Любовь, дружба, разделение труда, господство включают в себя антагонизм. Борьба как таковая, мотивированная только жадой борьбы, – крайне редкое явление. Как и согласие, мотивированное только жадой общения. Конфликт чаще выступает в качестве борьбы-игры, в том смысле, что стороны объединяются, чтобы бороться по признаваемым обеими сторонами правилам. Таковы спортивные состязания, отчасти правовые споры. Наконец, конкуренция – это такой вид конфликта, при котором сама по себе победа над противником не приносит удовлетворения. Цель достигается приобретением ценности, независимой от борьбы.

Зиммель исследует негативные способы поведения в контексте следующей проблемы: как совместить конфликты, а точнее, не солидарное поведение с функциональным единством общества. Чем более общей и значимой для большого круга людей является какая-либо норма, тем в меньшей степени следование ей характерно и существенно для индивидов. Напротив, ее нарушение вызывает серьезные последствия. Теоретическое согласие, без которого невозможно представить общество, покоится на небольшом числе общепризнанных норм, которые мы называем логическими. При массовых акциях мотивы индивидов столь различны, что их единство возможно скорее при более негативном и деструктивном содержании. Анализ социального пространства в определениях границы, выгороженности, осуществленный Г. Зиммелем, также уникален в классической социологии.

2.6. Структурно-функциональный анализ: конфликт как дисфункция

В середине XX в. структурный функционализм стал синонимом социологической теории. Т. Парсонс, Р. Мертон, Л. Коузер полагали, что функциональный анализ является ключевой формой теоретических суждений об обществе. Внимание исследователей концентрировалось на том, как социальные структуры влияют на поведение людей, детерминируют социальное действие. Разумеется, при этом признается, что эти социальные структуры сами являются продуктом человеческой деятельности и имеют свой генезис, но объяснение сосредоточивалось на том, какие структуры и каким образом определяют социальное действие.

В социологической литературе можно встретить суждение о противоположности структурного подхода и конфликтологической парадигмы. Вне сомнения, противопоставление этих подходов условно, поскольку и в рамках

структурного функционализма наработан значительный методологический инструментарий, позволяющий прогнозировать и описывать социальные конфликты.

Один из наиболее значительных представителей обновленного варианта структурного функционализма, создатель «теории среднего уровня» Р. Мертон описывает социальную организацию в качестве интегрированной совокупности ролей (нормативных правил и ожиданий), подчиненной целям, которые могут ею и не осознаваться. Р. Мертон критически переосмысляет основополагающие тезисы функционального анализа. Изначально функциональный анализ постулировал внутреннюю связность частей системы, при которой действие каждой части функционально для всех остальных и не ведет к противоречиям и конфликтам между частями. Такое полное функциональное единство, возможное в теории, противоречит реальности. То, что функционально для одной части системы, дисфункционально для другой. Кроме того, принцип функционального единства предполагает полную интегрированность общества, основанную на потребности адаптации его к внешней среде, что также есть лишь теоретическое допущение. Критикуя этот принцип, Мертон вводит понятие *дисфункции*, которое выражает негативное, конфликтное взаимодействие частей системы, а также реально достигнутую степень интегрированности социальной системы.

Объектом критики Мертона выступает «универсальный функционализм», согласно которому все стандартизированные социальные и культурные формы имеют позитивные функции, т. е. все институционализированные образцы действия и поведения, в силу того, что они институализированы, служат единству и интеграции общества, и следование этим образцам необходимо для поддержания общественного единства. Введенное Мертоном понятие дисфункции позволяет рассматривать каждый образец в качестве институционализированного социального отношения в терминах баланса функциональных и дисфункциональных следствий. Таким образом, все действительные нормы функциональны постольку, поскольку их функциональные следствия перевешивают дисфункциональные.

Классический функционализм Т. Парсонса ввел понятие *функциональных пререквизитов* – определенных функций и соответствующих им культурных и социальных форм, существование которых обеспечивает целостность любой социальной системы. С точки зрения Мертона, такие функции

могут быть различными для разных обществ и социальных систем. Чтобы подчеркнуть их вариативность, специфичность, Мертон вводит понятие *функциональной альтернативы*.

Структурно-функциональный анализ сосредоточивает свое внимание прежде всего на объективных последствиях действия, вызванного сознательным мотивом. Мертон вводит уточняющее различие между явными и скрытыми функциями. Явные функции – это объективные следствия действия, направленные на приспособление или адаптацию системы, которые интенциональны и осознаваемы участниками; скрытые функции – следствия действий неинтенциональных и неосознаваемых.

Критическая работа Мертона позволила расширить возможности функционального анализа в описании дифференцированной социальной структуры и включить в него социальные конфликты в качестве факторов изменения элементов и структуры в целом.

2.7. Конфликтологическая парадигма

Термин «*теория конфликта*» как систематическая альтернатива «теории порядка» Т. Парсонса появился впервые в 1956 г. в работе Л. Коузера «Функции социального конфликта». Несколько позже этот термин был вновь использован Р. Дарендорфом в работе «Классы и классовый конфликт в индустриальном обществе». Наконец, теория конфликта в качестве концептуальной независимой модели была представлена в книге Дж. Рекса «Ключевые проблемы в социологической теории».

Л. Коузер, разрабатывая теорию конфликта в рамках обновленного структурного функционализма и отстаивая реформистский характер социологического знания, понимает порядок и конфликт как два равнозначных социальных процесса. При этом он апеллирует к классическому социологическому наследию, в частности к формальной социологии Г. Зиммеля, в рамках которой конфликт осмысливается в качестве столь же универсальной формы социальности, как и согласие.

Коузер ставит своей задачей описать условия, при которых конфликт позитивен или негативен. Он доказывает, что конфликт как социальный процесс и форма социального взаимодействия является способом формирования, стандартизации и поддержания социальной структуры, что он способствует установлению и сохранению границ между группами, что межгрупповой

конфликт способен реанимировать групповую идентичность, предохраняя группу от ассимиляции. С методологической точки зрения функциональный анализ не претерпел в интерпретации Коузера существенных изменений. Новым является представление о способности структур быть результатом социального конфликта и возможности их обновления, утверждения и поддержания путем конфликта внутри групп и между ними.

Р. Дарендорф разрабатывает конфликтную модель, сосредоточиваясь на проблемах дисфункции и насилия, характерных для современных обществ. Картина социального мира предстает как поле битвы: множество групп, борющихся друг с другом, возникающие, исчезающие и разрушающиеся альянсы. Социальная система описывается как «императивно координированная система», в которой существует господство, создающее условия для конфликта. Признавая, что функция господства, власти состоит в поддержании целостности, сохранении согласованности ценностей и норм, Дарендорф придает решающее значение ее неинтегративному аспекту, порождающему конфликтные интересы и соответствующие ролевые ожидания. Доминирующие заинтересованы в сохранении наличного положения, тогда как те, кто не обладает властью и влиянием, заинтересованы в их перераспределении. Эти интересы имеют объективный характер, поскольку включены во внутреннюю структуру социальных ролей.

Объективные интересы структурируют мир на потенциально конфликтные группы, которые при определенных условиях превращаются в реально конфликтные. Возможность конфликта, как и возможность согласия, основаны на ролевой структуре. Ролевые ожидания являются одновременно и функциональными, и дисфункциональными. Ролевая структура дихотомична: включает в себя интересы поддержания порядка и его переустройства. Следовательно, действие индивида в пределах ролевого поведения в конечном счете основывается на его личных характеристиках. В этом пункте Р. Дарендорф апеллирует к традиционной либеральной идее обоснования социального порядка индивидуальным выбором.

Конфликтологическую парадигму определенным образом разделяют и представители социологии действия, например, А. Турен – французский социолог, теоретик акционализма. Он изучает процессы увеличения мощи, влияния, возрастания субъектности сообществ и встраивания новых общностей в существующие социальные структуры. Выявленные посредством ана-

лиза элементы механизма конструирования новых ассоциаций составляют фундамент мобилизационных концепций. Первое, что удалось выявить теоретикам социальной мобилизации, – это обратная, отрицательная логика искусственной мобилизации общества. Оказалось, что наиболее действенным механизмом консолидации является не единство целей, а наличие общего врага. Другими словами, общности скорее объединяются не «за», а «против». Поэтому первое необходимое условие мобилизации – обеспечить возможность осознания противника, а не апеллировать к общим целям, интересам и ценностям. В этом проявляется фундаментальное значение социального конфликта как формы социального отношения.

Но особенно ярко новые тенденции в исследовании конфликта проявились в новом институционализме. В последнее время исследователи в области конфликтов обратили пристальное внимание на проблемы создания и функционирования локальных социальных образований, именуемых полями, аренами или играми. Объяснение конфликта «классическими» теориями стало считаться неадекватным и слишком абстрактным. Новые институционалисты (Бурдье, Гидденс, Скотт, Флигстайн) пришли к выводу, что конфликт объясняется соперничеством старых институтов с претендентами на отдельных полях, их переходом в смежные поля, следствием чего является изменение позиций. Конфликты в этих условиях ориентированы на достижение того или иного конкретного результата. Теория нового институционализма, таким образом, означает пересмотр традиционной концепции «конфликта субъектов». Теперь важно понять, как участники конфликта ориентируют свои действия относительно друг друга. Конфликтующие субъекты учитывают множество действующих лиц, интерпретируют намерения последних, моделируют собственные действия и убеждают окружающих действовать с ними заодно. Правила взаимодействия на полях, принятые участниками конфликта, определяют границу возможного, позволяют уточнить свои интересы, установить, что делают остальные, и выработать собственную стратегию. Поле – это игра, которая зависит от культуры участников, их возможностей использовать социальные технологии, «читать» намерения соперников и уметь убеждать союзников в необходимости содействия. Словом, для участия в такой игре требуется «социальный талант» (Н. Флигстайн), т. е. способность активных участников добиваться соучастия, содействия, иногда манипулируя стремлением других удовлетворять собственные интересы. «Социально ода-

ренные» люди – это люди, наделенные способностью понимать членов своей группы, их интересы и стремления, а также то, что думают по конкретному поводу представители других групп. Когда группы видят перспективы, тогда и открываются новые поля. Кризис новых полей означает, что не установились стабильные правила взаимодействия и группам угрожает ликвидация. Действующие лица, наделенные социальным талантом, будут строить свои действия в целях стабилизации положения своей группы и ее отношений с прочими группами. Тут-то активные, социально одаренные участники, т. е. те, кого именуют «предпринимателями», могут предложить оригинальные культурные концепции и придумать «новые» институты. Они в состоянии образовать политические коалиции на основе достаточно узких коллективных интересов других участников с целью создания новых институтов. Если поле устоялось, то те же самые «предприниматели» используют правила для воспроизводства своего привилегированного положения, либо, если они «претенденты», – для борьбы с доминирующими группами. Если искусные «стратеги» занимают властные позиции в доминирующих группах, их энергия будет направлена на активное участие в игре. «Социально одаренные» участники строят свои действия так, чтобы удержать или улучшить позиции своей группы на поле. Поля могут претерпевать кризисы из-за воздействия внешних факторов, в том числе в результате влияния других полей. Кризисы могут иметь место в результате умышленных или случайных действий политических сил либо вторжения на данное поле посторонних групп. В таких обстоятельствах доминирующие группы стремятся усилить свое положение, чтобы сохранить статус-кво. Периферийные группы могут взять сторону «претендентов» или вступить в коалицию с правительством с целью перестройки поля. Социальная текучесть ситуации допускает возможность сделок и новых соглашений, но их инициаторами скорее всего будут представители периферийных групп или «претенденты», поскольку ни те, ни другие не имеют обязательств перед существующим порядком. Такой подход к государству и обществу помогает понять динамику современной реальности. Доминирующие участники социального процесса стремятся воспроизвести себя и дезорганизовать тех, кто бросает им вызов, но они могут оказаться жертвами кризиса, спровоцированного зависимостью государства от других полей или вторжением представителей соседних полей. Новые институциональные проекты рождаются как внутри одного общества, так и в нескольких обще-

ствах сразу. Социально одаренные активисты, пользующиеся системами координат, позаимствованными у одного поля, могут попробовать создать другое поле. Такие возможности возникают как следствие умышленных или случайных действий правительства. Социально одаренные участники поля могут мигрировать туда, где увидят новые перспективы. Это означает, что в кризисные моменты поля находятся в состоянии трансформации.

Теоретическая модель общества как потенциального и реального конфликта оказала мощное воздействие на прикладные социологические исследования: разработку проблем девиации как продукта давления доминирующих групп; профессионального статуса в контексте монополии на экспертные знания; борьбы за власть и влияние между профессионалами и клиентами; дискриминации непривилегированных социальных меньшинств как проявления внутреннего колониализма; властных конфликтов старожилов и переселенцев; различий социального статуса как властных различий, основанных на контроле над материальными ресурсами и информацией.

Перенос исследовательского интереса на идеи социального изменения и конфликта, наложивший ограничения на концепцию о спонтанном поддержании равновесия социальной системы, способствовал проникновению в социологию теории организации. На уровне математического моделирования начиналось изучение условий, характерных для конфликтных ситуаций, и возможностей преднамеренных социальных изменений. Полученные при этом варианты моделей (образцов) процессов изменения затем проверялись эмпирически.

В современном информационно-коммуникационном обществе основной ставкой конфликта становится контроль над информацией. Институциональный плюрализм, многообразие стилей жизни, социальных практик, глобализация и «виртуализация» общества порождают многообразие форм современного социального конфликта.

Контрольные вопросы

1. Дайте характеристику социал-дарвинизма. Приведите критические аргументы.
2. В чем состоит суть классового конфликта в интерпретации К. Маркса?
3. Актуален ли классовый подход в анализе современного социального конфликта?

4. Какие конфликты вызываются anomией?
5. Каковы идеально-типические мотивы социальных конфликтов в интерпретации М. Вебера?
6. На чем основывается борьба статусных групп в современном обществе?
7. Почему конфликтология как исследовательское направление возникла в формальной социологии?
8. Какие формы конфликта выделил Г. Зиммель? В чем их особенности?
9. Сформулируйте основные положения структурного функционализма. Раскройте содержание понятий «дисфункция», «функциональная альтернатива», «латентная функция».
10. Сформулируйте конфликтологическую парадигму в обществоведении. В каких теоретических подходах она выражается?

Тема 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНФЛИКТА

Классическая и современная психология – неисчерпаемый источник объясняющих моделей и аналитических перспектив для исследования реальных конфликтов. Остановимся на наиболее популярных психологических подходах к конфликту. Начнем с исследований внутриличностного конфликта.

3.1. Внутриличностный конфликт

Огромное влияние на все поле гуманитарных наук в XX в. оказала психоаналитическая традиция. Ее основоположник З. Фрейд предложил интерпретацию внутриличностного конфликта, опираясь на свою клиническую работу. Основным клиническим фактом, истолкованным Фрейдом, заключался в том, что мотивы, которыми сам больной объяснял свое заболевание, не совпадали с подлинными. Гипнотическое внушение, рациональная терапия методом логического убеждения позволяли пациенту примирить и преодолеть осознанные им мотивы, но были бессильны справиться с болезнью. З. Фрейд предположил, что подлинные мотивы, вызывающие невроз, бессознательны. Открытие бессознательного имело далеко идущие мировоззренческие и методологические последствия, но в данном контексте акцентируем внимание на объяснении внутриличностного конфликта. Он формируется вследствие того, что мотивы, генетически связанные с биологическими импульсами (очень широко трактуемая сексуальность, – «либидо»), вытесняются в сферу бессознательного мотивами, связанными с нравственными и социальными запре-

тами, усвоенными в процессе социализации. Согласно Фрейду, ключевая роль здесь принадлежит ранней социализации в семье – соответственно, ключевым этапом формирования личности выступает раннее детство, точнее, младенчество. Последователи и критики З. Фрейда по-разному интерпретировали природу этих бессознательных мотивов, видели в них не биологические импульсы, а стремление к могуществу, к самореализации, к творчеству и т. п. В любом случае, эти вытесненные мотивы оказывают постоянное давление на личность и ищут реализации на обходных путях, в таких действиях и их символических обозначениях, которые не противоречат запретам, диктуемым «сверх-я», т. е. интериоризированным социальным запретам. Внутриличный конфликт носит фундаментальный характер, он не устраним, поскольку вечны противоречия природы человека и требований любого общества. Мир не достигим, но возможно смягчение этого конфликта. Последователи Фрейда, приверженцы динамической психологии обращали внимание на то, что неудовлетворенность природных влечений ребенка необходима для его развития. К Фрейду же восходят описания механизмов психологической защиты личности, к которым она прибегает для смягчения внутриличного конфликта. *Сублимация* – преобразование инстинктивных форм психики (сексуальности либо агрессии) в более приемлемые для индивида и общества формы. В широком плане под сублимацией понимается переключение активности индивида на более высокий уровень. Такими формами могут выступать различные виды творческой деятельности и многообразные увлечения. *Регрессия* (от лат. regressio – движение назад) – возвращение индивида к ранним детским формам поведения, переход на предшествующие уровни психического развития. Регрессия предполагает уход от реальности и возврат к той стадии развития личности, в которой переживалось чувство удовольствия. Когда в состоянии внутриличного конфликта люди «впадают в детство», – это глубоко функциональное поведение. *Рационализация* – сокрытие от самого себя истинных, но не приемлемых мотивов действий и мыслей. При этом происходит поиск правдоподобных причин для оправдания поступков, вызванных неприемлемыми чувствами и мотивами, для обеспечения себе внутреннего комфорта и избавления от внутриличного конфликта. Рационализация связана с объяснением своих поступков необходимостью утверждения чувства собственного достоинства и самоуважения. *Проекция* – осознанное или бессознательное перенесение собственных свойств,

чувств и состояний, не приемлемых для личности, на внешние объекты. Тем самым человек перекладывает «вину» на внешний объект, являющийся источником трудностей, приписывает ему негативные качества и вместе с тем снимает ее с себя. *Замещение* имеет две формы проявления: *замещение объекта* – перенесение негативных чувств и действий с одного объекта, который их вызвал, на другой объект, не имеющий к ним отношения. Это происходит, когда личность не может высказать свои мысли, проявить чувства или совершить определенные действия по отношению к прямому виновнику его обиды, страха или гнева по социальным или физическим причинам. *Замещение чувства* характеризуется тем, что объект, вызвавший недовольство индивида, остается прежним, а чувство по отношению к нему меняется на противоположное: «виноград зелен». *Интеллектуализация* – способ анализа стоящих перед человеком проблем исключительно рационально и без участия эмоций, отстраненно. *Идентификация* – процесс отождествления субъекта с другим лицом или группой, посредством которого он усваивает образцы поведения «значимых других», формирует свое сознание и принимает ту или иную роль. В качестве защитного механизма идентификация помогает справиться с беспокойством и чувством незащищенности, обеспечивает взаимную связь между членами группы и формирует чувство уверенности в себе. *Обособление* – отказ от необходимости думать о возможных негативных последствиях будущих событий и действий: «положиться на авось». *Воображение* создает мнимые образы или способы поведения, которые заменяют реальную деятельность. Все эти формы изживания внутриличностного конфликта в свою очередь порождают межличностные конфликты.

Существенный вклад в психоаналитическую традицию интерпретации конфликта внес Э. Эриксон. В отличие от З. Фрейда, понимающего внутриличностный конфликт в качестве родового фундаментального противоречия, обладающего конститутивными свойствами, Э. Эриксон говорит о развитии личности в течение всей жизни. Он связывает устойчивые внутриличностные конфликты с возрастными кризисами (табл. 3.1)

Если Фрейд выводил жизненный сценарий из детских проблем, то Эриксон полагал, что каждый возрастной этап имеет свою точку напряжения – кризис, порожденный конфликтом развития личности. Когда в человеке вызревают новые личностные качества, он сталкивается с новыми жизненными задачами. Это периоды возросших потенций и в то же время повышенной уязви-

мости. На каждом возрастном этапе происходит либо благоприятное преодоление кризиса, когда личность крепнет и адаптируется, либо неблагоприятное, когда личность переходит на следующую стадию с грузом прошлых нерешенных проблем. Чем менее успешно пройдены кризисы, чем больше нерешенных внутренних проблем, тем выше конфликтность личности.

Таблица 3.

Связь внутриличностных конфликтов

Возраст, лет	Содержание кризиса
0–1	Доверие – недоверие
1–3	Автономия – стыд, сомнение
3–6	Инициатива – чувство вины
6–12	Трудолюбие – чувство неполноценности
12–19	Я-идентичность – смешение ролей
20–25	Близость – изоляция
26–64	Порождение, творчество – застой
65–смерть	Интеграция – отчаяние

Кратко остановимся на моделях внутриличностного конфликта, созданных в традициях, отличных от психоанализа. Один из основоположников современной психологии групп К. Левин анализировал внутриличностный конфликт как столкновение противоположных мотивов.

Мотивационный конфликт

К. Левин считал, что внутренние конфликты являются следствием проблем в жизненных ситуациях индивида. Предметом его внимания стали конфликты, возникающие в результате борьбы мотивов – противоречащих или несовместимых. Возможны три варианта:

- «буриданов осел» – выбор между двумя равно привлекательными, но одновременно нереализуемыми возможностями;
- «из двух зол – меньшее» – выбор между двумя равно непривлекательными возможностями;
- «и хочется, и колется» – одна и та же цель одновременно и привлекает, и отталкивает.

• На основе длительных эмпирических исследований К. Левина и его учеников были выявлены некоторые закономерности. Чем ближе к привлекательной цели субъект, тем сильнее тенденция к ее достижению и тем больше возрастает ее привлекательность. Чем ближе к непривлекательной цели субъект, тем сильнее тенденция к ее избеганию. При условии существования

внешних или внутренних барьеров стремление избегания усиливается. Сила избегания сильнее, чем сила достижения, поэтому второй и третий типы ситуаций более болезненны по сравнению с первым и труднее преодолеваются.

Таблица 3.2

Классификация внутриличностных конфликтов по К. Левину

Тип конфликта	Причина	Модель разрешения
Эквивалентный (приближение– приближение)	Выбор двух или более в равной степени привлекательных и взаимоисключающих объектов	Компромисс
Витальный (избегание– избегание)	Выбор между двумя в равной мере непривлекательными объектами	Компромисс
Амбивалентный (приближение– избегание)	Выбор объекта, в котором одновременно присутствуют привлекательная и непривлекательная сторона	Примирение

Когнитивный конфликт

Согласно когнитивной психологии человек стремится к непротиворечивости, согласованности внутренней системы представлений, убеждений, ценностей и испытывает дискомфорт от рассогласования. Конфликт – столкновение несовместимых значимых представлений (когниций). Процесс принятия решения тоже можно представить как когнитивную проблему: «Я принял решение» – «Я не уверен, что оно правильное». Поэтому, приняв решение, человек еще уговаривает себя принять его правильность с помощью дополнительных аргументов. И чем меньше внешнее принуждение к нему, тем больше внутренние аргументы. Механизмы преодоления когнитивного диссонанса позволяют не только ослабить внутреннее напряжение, но и уходить от межличностных осложнений. Нужно пересмотреть представления и при помощи системы рассуждений изменить одно из них таким образом, чтобы оно согласовывалось с другими.

Ролевой конфликт

Осмысление внутриличностного конфликта в качестве ролевого базируется на традиции символического интеракционизма, восходящей к Д. Миду и Ч. Кули. Человек получает свою личностную определенность через взаимодействие с другими людьми в группе. Разные члены группы выполняют раз-

ные роли. Таким образом, мы можем представить личность как систему социальных ролей, которые человек исполняет в группах разной степени общности. Каждая роль имеет свое содержание: шаблон действий, конкретные умения и навыки и формируется под влиянием ожиданий других людей. Люди имеют довольно сходные наборы ролей, а индивидуальность достигается тем, что на их исполнение накладывают отпечаток личностные особенности. Невозможно регламентировать все нюансы роли (отец может быть любящим, добрым и мягким, либо суровым и властным). Существуют роли наиболее важные, которые человек реализует в первую очередь, с полной отдачей, – это эталонные роли. Каждая роль связана с набором прав и обязанностей. Внутренний конфликт возникает, если требования роли не совместимы с некоторыми индивидуальными особенностями, если у человека слишком много эталонных ролей и ему не хватает энергии и сил для реализации их в полном объеме, если несовместимы роли (к человеку предъявляются одновременно слишком разные, а то и несовместимые ожидания). Вызывают конфликт как чрезмерная интегрированность ролей, так и противоположная ситуация, когда человек становится рабом обстоятельств и не имеет четкого представления о себе.

Разрешение ролевых конфликтов возможно: 1) через определение эталонной роли, если их слишком много, 2) через расширение репертуара ролей, что позволяет выбрать более согласованные из них, 3) через уточнение содержания ролей, 4) посредством развития более гибкой «Я-концепции».

Внутриличностные конфликты могут быть конструктивными и деструктивными. Конструктивным является конфликт, который характеризуется максимальным развитием конфликтующих структур и минимальными затратами на его разрешение. Деструктивным считается конфликт, который усугубляет раздвоение личности, перерастает в жизненный кризис или ведет к развитию невротических реакций. В психологии выделяют следующие *виды деструктивных внутриличностных конфликтов*:

1. Истерический. Характеризуется завышенными претензиями личности в сочетании с недооценкой объективных условий или требований окружающих.

2. Обсессивно-психастенический. Характеризуется противоречивыми собственными потребностями, борьбой между желанием и долгом, между моральными принципами и личным поведением.

3. Неврастенический. Характеризуется противоречием между возможностями личности и ее завышенными требованиями к себе.

В самом широком смысле внутриличностный конфликт – это актуальное переживание личности, т. е. некая форма активности личности, в которой в большей или меньшей степени осознается противоречие мотивов, интенций, оценок личности и происходит процесс его разрешения на субъективном уровне.

3.2. Концепция архетипов

В современной психологии и смежных дисциплинах, создающих модели, объясняющие существенные черты индивидуального и группового поведения, много внимания уделяется исследованиям агрессивности, враждебности, склонности к насилию. Многообразие подходов тяготеет к двум крайним позициям. Агрессивность – некое субстанциальное неотъемлемое проявление живого (животного и челов.). Выражаясь образно, люди стреляют не потому, что имеют цели, а придумывают цели для того, чтобы было куда стрелять. Согласно противоположной точке зрения, агрессивность – ситуативная поведенческая реакция. Соответственно осмысливается связь агрессивности и конфликта.

Своеобразную интерпретацию конфликта, войны, враждебности предлагают многочисленные последователи К. Юнга. Понятие «архетип», разработанное К. Юнгом, многогранно и позволяет описывать поведение индивидов и групп в качестве реализации неких универсальных трансперсональных врожденных «программ», обладающих инвариантностью по отношению к культурному контексту. Архетипы обеспечивают адаптацию к меняющимся условиям и задают наиболее вероятные формы группового и индивидуального поведения. Враждебность, война, агрессивность – это первичные формы адаптации чел. к миру, они инвариантны по отношению к меняющимся историческим условиям. Но нельзя забывать о том, что степень актуализации архетипа зависит от конкретно-исторических условий культурной среды.

Война как архетипический комплекс включает в себя не только действия, но и воображение, т. е. символически выражает себя и рационализирует в номинациях, ритуалах, спорах, художественном творчестве. Война как «архетипическая программа» – мощное средство социализации индивидов, воспитания чувства субординации, готовности к подчинению индивида интересам группы. Любое сообщество переживает смену состояния релаксации

состоянием мобилизации. Переход обусловлен глубинными изменениями в структуре бессознательного. Высвобождающими механизмами, пробуждающими коллективные чувства агрессии, враждебности и страха, выступают различного рода символы, которые обращаются к традиции, к проектным формам и к трансцендентному. Архетипические механизмы, лежащие в основе процесса мобилизации, активизируются через подражание, обучение, опыт, проявляются в таких формах адаптации к окружающему миру, как подчинение лидеру, власти авторитета, снятие с себя ответственности за принятие решения.

Переход от состояния мира к состоянию войны характеризуется следующими этапами: 1) восприятие угрозы при столкновении межгрупповых интересов, 2) неудачные попытки урегулировать разногласия дипломатическим путем, 3) растущее недоверие, поиск и активизация псевдовидовых различий, «тени» (в терминах «Юнга»), 4) включение «высвобождающих стимулов» (пропаганды и агитации), растущий воинственный энтузиазм, дальнейшая эскалация напряженности и начало военных действий, 5) победа одной стороны и поражение другой, 6) мирные переговоры и установление мира. Стремясь к миру, человек неизбежно возвращается к войне.

3.5. Фрустрационно-агрессивная модель

Одной из влиятельных моделей, позволяющей описывать конфликтное поведение индивида и группы в аспекте его насильственности и агрессивности, является бихевиористская поведенческая схема, связывающая агрессию с фрустрацией (Л. Берковитц, Д. Доллард, Н. Миллер). Теоретические обобщения представителями этого направления социальной психологии были получены на базе эмпирических, экспериментальных данных и могут быть сформулированы в виде следующих выводов. Агрессия непосредственно связана с фрустрацией и является ее следствием. Степень агрессивности возрастает по мере того, как фрустрирующий фактор приближается к моменту овладения желаемым. Она усиливается, если фрустрированы значимые для индивида ожидания, в особенности, если потрачены силы и ресурсы для достижения целей. Впоследствии эта фрустрационно-агрессивная модель неоднократно уточнялась. Во-первых, обнаружилось, что фрустрация не обязательно вызывает агрессию. Ее следствием могут выступать самые разные психологические состояния (депрессия, аутоагрессия). Сформировавшаяся

готовность к агрессивному поведению и само агрессивное поведение – не одно и то же. Агрессивный импульс не обязательно выльется в агрессию по отношению к тому, кто вызвал фрустрацию. Агрессивное поведение здесь может быть лимитировано социальной дистанцией, культурными и моральными запретами, рациональным анализом возможных негативных последствий, тогда агрессия может быть переадресована. Специфические закономерности этой переадресации также стали предметом изучения. Психологическая разрядка может наступить вследствие действий, символически замещающих реальное проявление насилия. Определенный интерес в этом контексте представляет тема научения и его роли в формировании агрессивного поведения. Эти выводы можно считать экспериментально обоснованными применительно к малым группам и индивидам, но возможность их распространения на объяснение жизни крупных сообществ подвергается сомнению.

3.4. Этологический подход

Этология – наука о поведении живых существ: животных и человека, изучаемых с точки зрения их функциональности для самосохранения вида. В эволюционно-биологических подходах к объяснению насилия (этологические исследования К. Лоренца, Н. Тинбергена) проводится определенная аналогия между агрессивным поведением человека и агрессией в поведении животных. Агрессия при этом рассматривается как инстинктивная форма поведения, обладающая высокой эволюционной ценностью, поскольку она выступает необходимым условием выживания индивидов и сообществ в борьбе за ресурсы, территории, власть, доминирование, лидерство. Агрессивность человека, проявляющаяся в разности отношения к «своим» и «чужим», в «аттитюдах» враждебности, в доминировании и в феномене лидерства, является важным психическим фундаментом таких социальных процессов, как объединение в сообщество, его структурирование, выработка и принятие решений, внутригрупповая интеграция и кооперация, мобилизация групп. При всем сходстве биологической и социальной форм эволюции они принципиально различны. Первая закрепляет адаптивные возможности вида, для второй характерно парадоксальное с точки зрения биологической эволюции свойство сохранять интеллектуальные, технические и коммуникативные приобретения, которые грозят человеку гибелью. Главное отличие человеческой агрессивности от агрессии животных заключается в том, что у человека

она биологически детерминирована, но на биологическом уровне в нее не встроены механизмы ее торможения. К. Лоренц обратил внимание, что наиболее хорошо «вооруженные» животные реже причиняют друг другу вред. Их поведение демонстрирует торможение агрессии, замещение физической агрессии символически выраженной угрозой, демонстрацией покорности как способа избежать возможности стать жертвой. Человек в качестве биологического вида физически уязвим, а потому его агрессия инстинктивно не лимитируется. Агрессия человека хоть и зависит от стимула, но опосредована памятью индивида и вида, включена в структуру поведения и определяется всей совокупностью форм его регуляции.

Контрольные вопросы

1. Почему, согласно психоанализу, внутриличностный конфликт принципиально не разрешим?
2. Какие поведенческие стратегии снижают остроту внутриличностного конфликта?
3. Какое место занимают возрастные кризисы в развитии личности?
4. Какие мотивационные конфликты типичны для личности?
5. Когда возникает когнитивный диссонанс и как с ним справляется личность?
6. Почему ролевые конфликты неизбежны в жизни современного человека? Как они разрешаются?
7. Какую интерпретацию получает конфликт в архетипической концепции К. Юнга?
8. Назовите сильные и слабые стороны фрустрационно-агрессивной модели.
9. Как связаны агрессивность и научение?
10. Как объясняется человеческая агрессивность в этологической перспективе?

Тема 4. КОНФЛИКТ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Задача социологического объяснения конфликта состоит в том, чтобы показать, что конфликты основаны на определенных социальных структурах, а не на ссылаках на психологические состояния (враждебность) или исторические обстоятельства. Социальная структура современных обществ находится в состоянии переплавки: противостоящие друг другу крупные однородные

классы перестали существовать. Различающиеся по властным полномочиям, источникам получения общественного богатства и социальным почестям социальные группы (реальные сообщества) взаимодействуют в едином общественном организме. Социальные конфликты постоянно воспроизводятся в процессах интеграции и из-за сопротивления существующим в обществе отношениям господства и подчинения.

4.1. Конфликт как фактор групповой динамики

Классические формулировки связи социальной структуры, структуры группы и конфликта как фактора их динамики даны в работе Л. Коузера «Основы конфликтологии». Рассмотрим ее основные тезисы.

Конфликт через усиление группового самосознания и осмысление границ группы укрепляет границы внутри социальной системы и тем самым закрепляет идентичность групп в системе. Вражда и взаимный антагонизм поддерживают систему в целом, устанавливая баланс между ее частями. Конфликту принадлежит решающая роль в установлении и поддержании групповой идентичности. Ведь индивиды могут иметь сходные социальные позиции, но они осознают общность своих интересов, только принимая участие в конфликте. Различие между «мы-группой» или «внутренней группой», «они-группой» или внешней группой опосредовано конфликтом – этот тезис общепризнан социологами и подтверждается многочисленными социально-психологическими экспериментами.

Национальные и этнические конфликты, конфликты между различными слоями управленческих структур демонстрируют, что они всегда вызываются сомнением в легитимности сложившейся системы распределения власти, богатства и статуса. Соответственно, чем менее легитимна социальная структура, тем более высока вероятность возникновения конфликтов. Наконец, от характера самой структуры зависит, насколько она может «выдержать» конфликт.

Группы с «сильными» связями стремятся не допустить внутренней угрозы, а именно так они воспринимают попытки своих членов усомниться в ценностях и нормах, относящихся к интегрирующему группу основанию. Внутренний враг, еретик, ренегат, отступник угрожают целостности группы. Отступничество означает и символизирует отход от стандартов, которые рассматриваются группой в качестве жизненно важных. Ренегат, как правило,

совершает акты мести по отношению к тому, что он оставил, нападает на ценности группы. Тем самым возникает угроза взломать пограничные линии установившейся группы. Едва ли не большую опасность для группы таит еретик. Поддерживая основные ценности группы и разделяя ее цели, он угрожает расколоть ее на фракции, отличающиеся по используемым для осуществления цели средствам. В отличие от ренегата еретик настаивает на укреплении ценностей и интересов группы, предлагая лишь иные средства для достижения цели или видоизмененную интерпретацию официального кредо. Еретик предлагает альтернативу там, где группа не желает никаких вариантов.

Такие внутригрупповые конфликты далеко не всегда ослабляют группу. Напротив, осознание членами группы этой внутренней угрозы содействует усилению их сплоченности, росту осознания общих проблем и участию в их разрешении. В результате связи между членами группы укрепляются, группа интегрируется.

Рассмотрим, какое влияние оказывают конфликты из-за разного типа проблем на существующие в группе отношения, какого типа структуры выигрывают от конфликта. Различные теории социального действия показывают, что конфликты по основным, принципиальным вопросам и по вопросам, предполагающим приверженность одному общему принципу, различаются по своим функциональным последствиям. Так называемый *необщественный* конфликт возникает в ситуации, когда у соперников в конфликте не существует общих устремлений или когда они считают, что невозможно достичь ни одной общей цели. Необщественный конфликт является разрушительным и разобщающим.

Общественный конфликт, т. е. столкновение, в основе которого лежит принятие неких общих стремлений, является, напротив, интеграционным.

Сама взаимозависимость групп и индивидов в современном обществе сдерживает тенденцию к основным типам раскола и содействует укреплению общественной системы, в рамках которой они функционируют.

Хотя взаимозависимость сдерживает тенденции, ведущие к радикальному разрыву с системой, она ни в коей мере не препятствует существованию различий в интересах, чреватых конфликтом; напротив, чем она выше, тем более интенсивным является соперничество. Причем функциональная взаи-

мозависимость в группах с частичным участием скорее, чем близкие отношения, сдерживает расхождения по основным вопросам.

Конфликт выполняет функцию «предохранительного клапана». Поэтому каждое общество располагает набором институционализированных форм выражения для враждебных настроений и побуждений, обычно подавляемых группой. Когда невозможна реальная борьба, враждебные чувства могут быть направлены на замещающие объекты или же могут включаться замещающие механизмы. Последние являются функциональным эквивалентом снятия напряжения и не влекут реального изменения отношений. Сатира, политические шутки, анекдоты, символические акции, практикуемые искусством эпохи постмодерна, не затрагивают наличного порядка, дозволяются, как дающие выход враждебным настроениям, но не наносящие вреда системе.

В случае замещения механизма конфликт не возникает. В этой связи исследователи отмечают функцию массовой культуры как механизма безопасного выхода агрессивных побуждений, которые запрещаются в иных социальных контекстах. В случае агрессии против замещающих объектов на фоне сохраняющихся отношений возникает новая конфликтная ситуация с участием замещающего объекта.

В групповом конфликте часто действует механизм поиска «козла отпущения». Расовые, религиозные, идеологические предрассудки, враждебность, направленная на безответные объекты, дискриминация по отношению к непривилегированным социальным меньшинствам – все они, направляя враждебность в нужное русло, поддерживают структуру социальной системы, не изменяя ее по существу.

Конфликт может быть *реалистическим* и *нереалистическим*. Конфликт, вызванный столкновением интересов и несовместимыми целями, согласно «логике» целерационального действия, есть лишь средство достижения цели. Он содержит в себе лимитирующий элемент. Если результат может быть достигнут вследствие применения других средств, то конфликта можно избежать. Конфликт здесь выступает одной из нескольких функциональных возможностей, и существует вариативность форм конфликтного поведения, что зависит от оценки соперниками их инструментальной эффективности и адекватности цели.

Когда накопившаяся энергия социального недовольства, агрессивные импульсы стихийно предъявляются или направляются против замещающего

объекта, лимитирующий элемент не очевиден. Конфликты, которые возникают из-за фрустрации конкретных требований участников, их оценок возможной выгоды и направлены на предполагаемый источник фрустрации, могут быть названы реалистическими конфликтами. Нереалистические конфликты напротив, хоть и предполагают интеракцию между социальными субъектами, вызваны не существованием у соперников конкурирующих целей, а необходимостью разрядки напряжения, по крайней мере для одного из них. Нереалистический конфликт менее стабилен, чем конфликт реалистический, он допускает функциональные альтернативы объекта.

Различение реалистического и нереалистического конфликтов важно для дискуссий о насилии и толерантности, социальном контроле и девиантном поведении. Конфликтное поведение и социальная девиация могут быть как способами реалистичной борьбы, избираемыми ввиду отсутствия других институционально одобряемых средств или ввиду их невысокой эффективности, так и способом снятия напряжения, накопившегося в процессе социализации, вынужденной маргинализации, фрустрации. В этих случаях важно агрессивное поведение само по себе – объект, против которого оно направлено, мобилен, заменяем. Толерантность в таких случаях трудно достижима, так как удовлетворение ищется именно в агрессии, а не в достижении конкретного результата. При анализе конфликта в психологической перспективе нужно выявлять замещающие механизмы, исследовать групповые и индивидуальные стереотипы восприятия социально-непривилегированных меньшинств, религиозные, этнические, идеологические предрассудки, во многом объясняющие выбор замещающих объектов. Но при изучении конфликтной ситуации, в которой основным моментом является интеракция, социолог должен сосредоточиться на анализе взаимоисключающих ценностей, расходящихся интересов, несовместимых целей.

Подмена социологической перспективы психологической заставляет искать источник конфликта в чувствах, настроениях, установках и предрассудках, а не в социальных позициях и природе самих социальных отношений. Внимание тогда смещается с анализа источников недовольства, с объективных социальных противоречий, вокруг которых разворачивается конфликт, к эффектам, которые они оказывают на сознание индивида и группы. Конфликт в таком случае оценивается как «социальная болезнь», по отношению к которой должны быть разработаны терапевтические меры, применены раз-

личные психотехники и технологии релаксации. Отсутствие же конфликта расценивается как социальное здоровье.

Различие реалистического и нереалистического конфликтов является идеально-типическим, в социальной жизни они смешиваются. Там, где отсутствуют ресурсы для борьбы или действуют культурные запреты на предъявление конфликтных притязаний, к реалистическим конфликтам неизбежно примешиваются нереалистические чувства. Поскольку выражение антагонистических требований и чувств по отношению к членам своей группы опасно и сопряжено с большими издержками, легче переместить враждебные импульсы на внешнюю группу, в отношении которой уже существуют какие-то поводы для антагонизмов. Т. Парсонс, описывающий механизм поисков «козла отпущения», указывает, что он редко срабатывает без некоего значимого основания антагонизма. Реалистический конфликт не обязательно означает использование только тех средств, которые точно соответствуют целям участников, они могут лишь представляться таковыми прежде всего потому, что культурно одобряются или допускаются. Наконец, если реалистическая мотивация противоборства может быть акцентирована аффективно или же оправдана ссылкой на традицию, позиции сторон в конфликте, вероятно, усилятся. Это обстоятельство учитывается при разработке и применении социальных технологий, направленных на укрепление боевого духа, на создание образа врага. Основная же роль посредника напротив видится в том, что он отвлекает внимание участников конфликта от аффективных нереалистических элементов и предоставляет противоборствующим сторонам возможность рационального подхода к анализу реальных сталкивающихся в данной ситуации интересов.

4.2. Межгрупповой конфликт

Процессы образования и разрушения общностей, изменения их структурной диспозиции сопровождаются конфликтами. Зрелые социально-культурные общности способны к саморегуляции. Рассмотрим, какое влияние на структуру группы оказывает межгрупповой конфликт.

Общепризнанным в социологии и в исторической науке является влияние, которое оказала война на социальную организацию современных наций. Тенденция к централизации, к концентрации управленческих функций выступает прямым следствием того, что сообщество втянуто в борьбу с внеш-

ним врагом. Однако эта тенденция оборачивается авторитаризмом только в случаях, когда внутренняя сплоченность в группе ослаблена, а стандарты поведения, ожидания и ролевые ограничения не определены или подверглись пересмотру в результате разрушения институционального порядка. Тенденция к авторитарному стилю управления проявляется, когда развитие конфликтной ситуации не приводит к уровню сплоченности, необходимому для согласованных действий, т. е. когда внутригрупповая солидарность членов группы перестает выполнять функцию внутренней интеграции. Конфликт с внешним противником объединяет группу и укрепляет боевой дух ее членов, а вероятность централизации зависит от структуры самой группы в той же мере, что и от природы конфликта, и возрастает по мере дифференциации задач, решаемых сообществом, втянутым в борьбу.

Связь между внешним конфликтом и внутренней сплоченностью перестает действовать, когда уровень внутригруппового консенсуса оказывается столь низким, что члены группы утрачивают сознание своей групповой идентичности, перестают ориентировать свои действия на значимость существующего порядка, рассматривают внешнюю угрозу как касающуюся «их», а не «нас». В таких случаях результатом межгруппового конфликта может стать распад группы, а не усиление ее внутренней сплоченности. До тех пор, пока внешняя угроза воспринимается как опасность для всего сообщества, внутренние конфликты и расходящиеся интересы не препятствуют согласованным действиям против общего врага и допускаются.

Зависимость внутригрупповой структуры от участия в межгрупповом конфликте иллюстрируется Л. Коузером в различении двух типов групп – «секты» и «церкви», восходящем к веберовскому анализу. Секта – это общество избранных, отличающееся принудительным характером распределения божьей милости. Группа, организованная по типу секты, создает механизм отбора, посредством которого она отделяет приобщенных от неприобщенных, вследствие чего она отказывается от массовости, выдвигает требования полной личностной вовлеченности, а вопросу о чистоте убеждений среди своих членов уделяет повышенное внимание. В секте особенно жестоко преследуются еретики и инакомыслящие. Ее члены обязаны принимать постоянное участие во вновь и вновь повторяющемся отборе достойных, т. е. не сомневающих и не уклоняющихся именно потому, что само существование группы зависит от чистоты ее членов. Группа, организованная по типу церк-

ви, напротив, заинтересована в массовости, является более гибкой структурой, проявляющей терпимость к инакомыслию. Группы церковного типа, не требующие от своих членов полной личностной вовлеченности, усиливают свою сплоченность, позволяя существовать внутри себя различным противоречивым тенденциям, идеологическим уклонам, расходящимся оценкам и несовпадающим интересам. Сплоченность группы черпается из гибкости ее структуры, оставляющей пространство для приемлемого конфликта.

Межгрупповой конфликт в отличие от межличностного всегда идеологизирован в том смысле, что сопровождается осознанием того, что борьба ведется за некие коллективные, надличностные цели. Это, с одной стороны, дает дополнительные аргументы борющимся сторонам для обоснования своей правоты, но с другой – притупляет чувство личной ответственности как лидеров, так и в особенности рядовых членов за избранную группой стратегию и тактику конфликтного поведения. Борьба, которая ведется по идеологическим мотивам, всегда носит более радикальный и безжалостный характер, чем та, которая вызвана межличностными противоречиями. Отдельные личности, участвующие в конфликте, действуют в качестве представителей групп или идей. Они преисполнены сознанием своей легитимности, поскольку не действуют ради эгоистических интересов. Ведь культура современных обществ, хоть и ориентирована на личные достижения, не одобряет погоню за выгодой там, где от индивидуумов ожидается исполнение принятых ролей. Вместе с тем, между соперничающими сторонами существует придающий им сходство элемент, заключающийся в следовании общей норме воздержания от личных выпадов. Эффект объективации может оказать положительное влияние на противоборствующие стороны. В особенности это замечание касается ситуаций, когда стороны, стремящиеся к общей цели, конфликтуют по поводу наилучших средств ее достижения.

Итак, межгрупповой конфликт – это всегда форма межгруппового взаимодействия и взаимоотношения, побуждающая противоборствующие стороны лучше узнать друг друга и принять во внимание правила, регулирующие действия противника. Такие правила способствуют социализации участвующих в конфликте сторон и налагают на них определенные ограничения. Во-первых, само начало конфликта свидетельствует о наличии единого объекта, представляющего «общий» интерес. Конфликт, как правило, происходит в области действия общих норм и правил и приводит к расширению сфе-

ры их действия, стимулирует установление новых норм и правил, применение которых влечет за собой развитие институциональных структур и приспособление взаимоотношений к изменившимся условиям.

Парадоксальная, на первый взгляд, особенность межгрупповых конфликтов состоит в том, что участники конфликта, во всяком случае реалистического в указанном ранее смысле, заинтересованы в том, чтобы противная сторона была организована, а ее представители легитимны. Так, профсоюзы предпочитают иметь дело с объединениями работодателей. Только в подобных соглашениях рабочие могут быть уверены в том, что результаты их борьбы не подвергнутся риску от действия отдельных лиц. Точно так же работодатели будут стремиться иметь дело с рабочими организациями, способными контролировать своих членов. В борьбе с разрозненной группой врагов можно добиваться отдельных побед, но без уверенности, что все члены враждебной группы однозначно воспринимают ситуацию, и, соответственно, без стабильности результатов. Централизация внутренней структуры каждой из конфликтующих сторон, легитимность сложившегося распределения власти и лидеров делают урегулирование конфликта более достижимым, а результат долговременным.

Создание альянса, даже без цели его участия в конфликте, для других групп может видаться угрожающим и недружественным актом. Само это убеждение в то же время приводит к созданию новых союзов и коалиций, стимулируя таким образом дальнейшую дифференциацию и интеграцию социальной жизни.

Межгрупповой конфликт способен вовлекать в свое поле огромные массы людей, зачастую независимо от их желания и осознания сути и целей конфликта. Он имеет высокие издержки своего существования и разрешения, большую инерцию сохранения конфликтных ситуаций, даже когда ее объективные основания исчерпываются. Но общество осуществляет себя через конфликтные ситуации, баланс конфликтов: результирующая их разрешения формирует существующие социальные структуры и отношения.

4.3. Институциональный плюрализм и конфликт

Современные общества имеют глубоко дифференцированную социальную структуру, отвечающую их функциональной сложности. Одна из основных идей конфликтологии заключается в том, что институциональный плю-

рализм принципиально меняет характер современного социального конфликта. Р. Дарендорф объясняет это следующим образом.

Социальные структурные области в сообществе могут быть напластованы или разделены. В каждом обществе существуют конфликты между конфессиями, частями страны, руководящими и управляемыми. Они могут быть отделены друг от друга так, что стороны каждого отдельного конфликта представлены только в нем, но они могут быть и напластованы так, что эти фронты повторяются в различных конфликтах, когда определенные конфессия, регион, правящая группа перемешиваются в одну большую «сторону». В каждом обществе существует множество институциональных порядков: государство, экономика, право, армия, воспитание, церковь. Эти порядки могут быть относительно независимы, а политические, экономические, юридические, военные, педагогические и религиозные руководящие группы не идентичны, но, возможно, одна и та же группа доминирует во всех областях. В той степени, в которой в обществе возникают такие напластования социальных структур, возрастает интенсивность конфликта. Напротив, она снижается в той степени, в какой структура обществ становится плюралистичной, т. е. ее области достаточно автономны. При напластовании различных социальных областей каждый конфликт означает борьбу за все. Если области разделены, то с каждым отдельным конфликтом не так много связано, тогда снижается цена поражения.

Стабильность современных обществ можно частично объяснить как результат постоянного взаимодействия всевозможных конфликтов, пронизывающих его во всех направлениях. Напротив, если в обществе один конфликт разделяет его на два враждующих лагеря, то это может вызвать раскол в самих основах единства, поставить вопрос о самом существовании общества.

Стабилизирующая роль конфликтов в современном обществе объясняется стратификацией на основе профессии. Резко отличающиеся друг от друга представления и интересы взаимно сокращаются, поскольку не аккумулируются вокруг одного вопроса.

Тема институционального плюрализма по-разному акцентируется в психологической и социологической перспективах. Статусно-ролевые теории справедливо выделяют так называемый ролевой конфликт, возникающий вследствие одновременного участия индивида во множестве групп, его вовлеченности в жизнь разных институтов, в которых ему предъявляются раз-

личные, подчас противоречивые ролевые ожидания и нормативные предписания. С психологической точки зрения множественность и противоречивость ролевых предписаний вызывают психологический конфликт, переживание противоречия, разрыва между приверженностью различным группам и обстоятельствам. Последствия таких конфликтов для личности могут быть разнообразными. Однако социологический анализ должен в первую очередь исследовать не возникновение внутреннего напряжения из-за принадлежности индивида к различным группам, а значение группы и ролевых конфликтов для структуры в целом. Одновременное участие индивидов во множестве групп содействует возникновению многочисленных конфликтов, пронизывающих общество во многих направлениях. Сегментированный характер участия, в свою очередь, приводит к появлению уравнивающего механизма, предотвращающего возникновение глубокого раскола по какой-либо одной оси. Взаимозависимость соперничающих групп и множественность некумулятивных конфликтов являются одними из факторов, поддерживающих стабильность современных обществ.

Предметом социологического анализа являются переменные конфликта и условия, при которых конфликты приобретают более или менее насильственную, более или менее интенсивную формы. Классик конфликтологии Р. Дарендорф настаивает на том, что интенсивность и насильственность – это две независимые переменные.

Интенсивность характеризует степень личностной и групповой вовлеченности в борьбу, то значение, которое имеют возможные победа или поражение для реализации жизненных шансов, групповых стратегий. Чем большее значение придают участники столкновению, тем оно интенсивнее. Еще недавно столь значимые конфликты («Великий социальный вопрос») демонстрируют тенденцию снижения интенсивности. Таким образом, интенсивность означает вкладываемую участниками энергию и одновременно социальную значимость определенных конфликтов (например, информационных войн).

Под *насильственностью* подразумеваются средства, которые выбирают борющиеся стороны, чтобы реализовать свои действительные или мнимые интересы. Между крайними пунктами на шкале насильственности, где на одном полюсе война, гражданская война, вооруженная борьба с угрозой для жизни участников, а на другом – ненасильственные способы конфликтного

поведения: беседа, парламентские дебаты, дискуссия общественности, переговоры с открытой аргументацией. Между ними располагаются различные более или менее насильственные способы поведения: забастовка, конкуренция, драка, ожесточенные дебаты, подрыв репутации, взаимная дезинформация, угрозы, ультиматумы и пр.

Первый круг факторов, влияющих на насильственность и интенсивность конфликта, определяется условиями организации конфликтных групп. Многие столкновения приобретают в высшей степени интенсивный и насильственный характер, если в обществе нет условий для социально-одобряемого манифестирования конфликта, когда пресекается инициатива самостоятельных групп, запрещаются по идеологическим мотивам и политическим причинам какие-либо организации. Наиболее разрушителен для общества неартикулированный, только частично оформившийся конфликт. Признание конфликта – первый шаг к его регулированию.

На интенсивность конфликта значительно влияют и факторы социальной мобильности. В той степени, в которой возможна мобильность, интенсивность конфликтов уменьшается, и наоборот. Чем выше идентификация субъекта с определенной социальной позицией, тем интенсивнее становятся вырастающие из этой позиции конфликты, тем неизбежнее участники «привязаны» к конфликтам. На этом рассуждении, кстати, строится прогноз С. Хантингтона относительно неизбежности «конфликта цивилизаций». Конфликты, связанные с предписанными статусами, будут более интенсивными, чем те, которые связаны с борьбой за достижимые статусы и позиции. Вертикальная и горизонтальная мобильность, возможность перехода в другой слой, смена места жительства, многообразие конкурирующих идеологий, возможность социального продвижения способствуют снижению интенсивности конфликта. Наконец, интенсивность снижается в ситуации институционального плюрализма, о чем упоминалось ранее.

В определенном смысле можно утверждать, что переменная насильственности поддается регулированию в большей степени, чем интенсивность. Действительно, эта сторона конфликтного поведения тесно связана с культурно одобряемыми нормами и традициями, является предметом оценки с позиций формального права, может конструироваться с помощью социальных технологий. Сегодня не только конфликтологи, но и политики, и практики социального управления заинтересованы в распространении образцов не-

насилий регуляции конфликтов, в пропаганде толерантности. Несмотря на инициативы ЮНЕСКО в этой сфере, толерантность, присущая неким сообществам в большей степени, проявляется только внутри группы, во внешнем контуре становясь крайне дефицитным ресурсом. Международные отношения в современном мире – грустное тому свидетельство.

В современном информационном обществе широко применяется и понятие информационного насилия, граничащего с принуждением, манипулированием, и понятие структурного насилия для выражения доминирования над человеком деперсонифицированных абстрактных систем. Структурное насилие в современном обществе является не менее распространенным и значимым, чем традиционное физическое.

Сложность анализа современных межгрупповых конфликтов состоит в том, что субъектами таких конфликтов выступают не только «социальные» группы, возникающие на основе принадлежности ее членов к какой-то социально-профессиональной категории, но и «целевые», или «инициативные», объединяющие людей в соответствии с конкретной задачей, которую они решают: экологические, потребительские, правозащитные и виртуальные, объединяющие людей в сетевые сообщества, коммуникативные сети. Разнообразие в картине межгрупповых конфликтов связано и с неравномерностью социального развития современного мира, и с мозаичностью современных обществ, в которых «все времена существуют одновременно» и сталкиваются различные культурные традиции, образы жизни, поведенческие практики. Конфликты традиционного типа, определяемые классовыми и даже родовыми структурами, сосуществуют с информационными войнами, борьбой за стандарты и пр. Таким образом, современный мир обнаруживает тенденцию к усложнению общей картины межгрупповых конфликтов, нарастанию их многообразия и взаимного переплетения.

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте роль конфликта в установлении и поддержании групповой идентичности.
2. В чем состоят особенности конфликтов в экспрессивных группах?
3. Укажите на различия общественных и необщественных конфликтов.
4. Почему конфликт может выполнять функцию «предохранительного клапана»?

5. В чем состоит различие реалистического и нереалистического конфликтов?
6. Уточните, в чем состоит различие психологического и социологического подходов к конфликту.
7. Какое влияние оказала война на социальную организацию современных наций?
8. Какие структурные изменения происходят в сообществе, втянутом во внешний конфликт?
9. Правомерно ли утверждение, что конфликты играют стабилизирующую роль в современных обществах?
10. Какие факторы способствуют снижению интенсивности и насильственности конфликтов в современном обществе?

Тема 5. АНАЛИЗ КОНФЛИКТА: ОСНОВНЫЕ ОБЪЯСНЯЮЩИЕ СХЕМЫ И МОДЕЛИ

Социальные отношения бесконечно многообразны, включают в себя сотрудничество, единомыслие, а также конфликт и вражду.

Конфликт – это столкновение противоположных интересов и ценностей, которое проявляется в противоборстве взаимодействующих сторон. В этом его универсальность: конфликт меняет формы и масштабы, но не исчезает, он видоизменяется применительно к различным сферам жизнедеятельности общества: бытовой, экономической, политической, идеологической, духовной. Конфликт рождается из взаимной зависимости сторон, когда в зонах их деятельности есть возможность преднамеренного блокирования действий другой стороны.

5.1. Структурный анализ: элементы конфликта

Рассмотрим основные характеристики конфликта, а также значения, которые они могут принимать, иными словами, каковы переменные конфликта. Попробуем выделить эти элементы, абстрагируясь от конкретно-исторического, индивидуального содержания социальных конфликтов.

Человеческое поведение, социальные действия всегда включают в себя элемент иррационального, связанного с подсознательным, эмоциональным, волевым, т. е. с жизненными импульсами, которые утверждают челове-

скую субъективность. Все это обуславливает существование в социальных явлениях того, что ускользает от рационального анализа или имплицитно предположено в нем. Конфликтология, опираясь на фактологическое и технологическое исследования многообразных конфликтов, на объясняющие модели ряда социальных наук и общенаучные методы, пытается построить описание конфликта безотносительно к его содержанию, абстрагировать его элементы, их взаимосвязи и динамику.

Объект конфликта. Назовем объектом конфликта любой материальный или идеальный объект, который значим в каком-либо отношении для участников конфликта. Объектом конфликта может выступить любой элемент социальной реальности, поскольку на него притязают личности, группы, сообщества, государства. Вещь становится объектом конфликта, когда она вовлечена в процесс удовлетворения потребностей взаимодействующих людей, когда к ней проявляют интерес, стремятся заполучить ее, хотят ее присвоить, использовать, контролировать, определять. При этом вещь должна быть недоступной в равной мере для всех, дефицитной.

Предмет конфликта – это объект конфликта, «взятый субъективно», в форме деятельности. Это то противоречие, которое складывается во взаимодействии сторон и которое они пытаются разрешить путем противоборства.

Субъект конфликта – это личность или сообщество, характеризующиеся социальной позицией и связанными с ней латентными интересами. Прежде всего, это конфликтующие стороны с их ценностями, целями, психологическими, интеллектуальными и социальными ресурсами для ведения и разрешения конфликта, их представления о конфликте, его стратегии и тактике. Выявление участников конфликта иногда становится нетривиальной задачей. Конфликты различаются по степени индивидуализации (вопрос о том, есть ли незаменимые), персонификации (вопрос о роли лидера, вождя, руководителя), по отчетливости самоидентификации противоборствующих сторон. Наряду с последними выделяют сочувствующих той или иной стороне, провокаторов и примирителей, пособников и посредников, пассивных свидетелей и организаторов. Заинтересованные стороны, их отношение к конфликтующим сторонам и друг к другу, их заинтересованность в тех или иных результатах влияют на ход конфликта. Сами конфликтующие стороны озабочены вниманием третьих лиц, общественного мнения, пытаются оказывать на него воздействие. Конфликт может обостряться и гаснуть в зависимости от

желания конфликтующих сохранить лицо, предстать в выгодном свете или от угроз со стороны третьих лиц.

Конфликтные действия – это действия, которые, независимо от намерений действующей стороны, будут восприниматься участниками конфликта как конфликтные, враждебные: невыполнение участником конфликта договора, обязательств, легитимных ожиданий; создание прямых или косвенных помех для реализации целей участников; удержание или захват социального пространства; нанесение прямого или косвенного ущерба имуществу либо репутации; принуждение как психологическое, так и физическое.

Конфликт – это именно взаимодействие сторон, в нем есть своя детерминация, не сводимая к мотивам участников конфликта. В конфликте действия участников рассматриваются не только в их инструментальной логике, но и нормативно: как наносящие вред, мешающие реализации планов и целей. Те действия, которым в ситуации релаксации стороны не придали бы особенного значения, в конфликтной ситуации оцениваются как угрожающие.

Социальная среда конфликта – это сеть непосредственных и опосредованных социальных связей, в которые актуально вовлечены участники конфликта: различные институты, учреждения и ограничители, уровень поощрения или сдерживания в зависимости от выбранной стратегии и тактики ведения или разрешения конфликта. Индивиды и социальные группы могут оказаться в такой социальной среде, где существует незначительный опыт конструктивного разрешения конфликтов и отсутствуют институты и нормы, поощряющие их мирное разрешение

Конфликтная ситуация – это круг условий, обстоятельств и разворачивающееся в нем противоречие оппонентов – личностей, социальных групп, организаций. Конфликтная ситуация может заключаться в сфере условий взаимодействия и возникнуть помимо желания и воли сторон, а может быть порождена обоими участниками конфликта или одним из них. Существует несколько схем анализа конфликтной ситуации, например: структурно-информационный анализ, организационно-деятельностная схема. Выбор выделяемых параметров зависит от характера интереса субъекта ситуационного анализа, от занимаемой им социальной позиции: исследовательской, управленческой, позиции актора.

5.2. Основные этапы конфликта

Общее объяснение структурных оснований всех социальных конфликтов невозможно, но объяснение процесса развертывания конфликтов из определенных состояний структуры применимо ко всем формам конфликта (Р. Дарендорф). Движение от устойчивого состояния социальной структуры к развертывающимся социальным конфликтам можно рассматривать как генезис конфликтных групп. Этапы конфликта в данном случае – это стадии формирования конфликтных групп. Предметом анализа здесь становятся три этапа.

1-й этап – исходное состояние социальной структуры – включает социальные позиции и связанные с ней латентные интересы, сходство представителей позиций, агрегаты представителей социальных позиций, квазигруппы. Применительно к структурным конфликтам можно утверждать, что принадлежность к агрегату в форме квазигруппы постоянно предполагает ожидание защиты определенных интересов.

2-й этап – кристаллизация конфликта. Латентные интересы осознаются, квазигруппы превращаются в фактические группировки, в реальные сообщества. Квазигруппы являются достижением порога организации групп интересов. При этом организация не означает одно и то же в случае «классового конфликта», «конфликта ролей» или конфликта в области международных отношений. В первом случае речь идет об организации политической партии, союза, в последнем, напротив, о манифестации конфликтов. При ролевом конфликте можно говорить об организации только в переносном смысле. Кристаллизация, артикуляция, манифестация конфликта возможны в определенном круге условий и обстоятельств. Эти условия, например, свобода организаций, политические свободы. Если условия отсутствуют, то предметом конфликта становится сама возможность организации.

Условия манифестации конфликта и организации фактических групп подразделяются в конфликтологии на три категории: технические, социальные, политические.

Технические условия – материальные, т. е. вещественные, энергетические, финансовые, инфраструктурные ресурсы; идеологические условия – это сама возможность конкурировать в сфере производства картин мира и способность предложить такую идеологию, которая понятна представителям со-

циальных позиций, способна их объединить; личные условия – это качество вовлекаемого человеческого материала, черты личности (паттерны, в терминологии Т. Парсонса), наконец, это существование личности лидера, который способен мобилизовать группу.

Социальные условия – рекрутирование представителей социальных позиций, коммуникации, поддерживающие сети социальных связей. Возникновение электронных средств массовой коммуникации создало новую коммуникативную ситуацию, значительно увеличило возможность манифестирования конфликта.

Политические условия – свобода коалиций, организаций, движений. Если полноты условий нет, то конфликт может остаться латентным, пороговым, не переставая существовать. Если все условия соблюдены, наступает третий этап.

3-й этап – сформировавшийся конфликт. Для него характерно столкновение, противоборство между идентичными элементами: нациями, политическими организациями, подразделениями системы управления. Неполным является конфликт, который возникает при отсутствии идентичности сторон. Зрелый конфликт предполагает, что участвующие элементы с точки зрения организации идентичны.

Описанная схема анализа конфликта применима прежде всего к зрелым социальным конфликтам. Но и «неполные», и нереалистические конфликты разворачиваются во времени. В конфликтологии широко применяется схема анализа конфликта как процесса, проходящего определенные стадии: предконфликтную, конфликтную, завершения конфликта и постконфликтную.

Предконфликтная стадия – предыстория конфликта или прошлое его участников. Иногда его релевантные границы трудно очертить, устанавливаются они, как правило, ретроспективно. На данной стадии происходит накопление противоречий и напряженности в системе межличностных и групповых связей в силу обнаруживающегося расхождения ценностей, целей, интересов и установок. Взаимные ожидания и стереотипы, в особенности, представления о том, заслуживает или не заслуживает доверия противоположная сторона, существенно влияют на ход конфликта. Затем некое событие или действие играют роль инцидента, который заставляет конфликтующие стороны определиться. **Инцидент** – преднамеренное или непреднамеренное действие участника конфликта, которое делает конфликтную ситуа-

цию необратимой, запускает механизм конфликта. Конфликт из латентной фазы переходит в открытую.

Конфликтная стадия. В межличностных и групповых отношениях, в складывающемся взаимодействии сторон появляются действия, относящиеся к репертуару конфликтных: они воспринимаются в качестве направленных на то, чтобы прямо или косвенно блокировать реализацию намерений, интересов, целей хотя бы одного из участников взаимодействия. Собственные цели и интересы воспринимаются как противоположные целям и интересам другой стороны и, что не менее важно, формируется психологическая готовность к борьбе и установка на борьбу. Конфликт интересов в этой фазе принимает форму острых разногласий, которые участники взаимодействия не только не пытаются урегулировать, но, напротив, усугубляют, продолжая разрушать прежние структуры взаимоотношений. Эта фаза характеризуется нарастанием агрессивности, переходом от предубеждений, неприязни, колебаний к открытой враждебности, к оформлению «образа врага». Конфликтная стадия характеризуется применением сил участников конфликта, мобилизацией ресурсов. Она разворачивается как последовательность актов действия и противодействия. Если степень напряженности взаимодействия и применяемая сторонами сила непрерывно нарастают, речь идет об эскалации конфликта. Верхняя точка эскалации конфликта – его *кульминация*. Она обычно выражается в событии либо действии, которому стороны, или по крайней мере одна из сторон придают символическое значение, ориентирующее либо на продолжение борьбы, либо на поиски согласия. Эскалация не всегда достигает кульминации: конфликт либо рутинизируется, либо прекращается ввиду истощения ресурсов, изменения состава его участников, его предмета, его социальной среды, либо может разразиться в особенно острой форме, запуская компенсаторный механизм.

Кульминация – это момент «переоценки ценностей», это самоопределение сторон в изменившихся условиях. На предконфликтной стадии у сторон имелся определенный образ конфликтной ситуации, представление о своих возможностях, об оппоненте, о его намерениях, ресурсах, социальном окружении и его реакции. Именно эти образы, т. е. несовпадающие идеальные картины конфликтной ситуации вызывают борьбу за реальные или мнимые интересы. Когда первичный образ изменился, конфликтующие стороны могут выбрать следующие программы поведения:

- продолжать борьбу, но только до реализации своих интересов и целей;
- продолжать борьбу, но изменить репертуар своих действий: сделать частичные уступки, но сохранить позиции;
- продолжать борьбу любой ценой;
- найти способ завершения конфликта.

Стадия завершения конфликта наступает, если выбрана последняя программа. При полном разрешении конфликта он прекращается как за счет изменения объективной ситуации, так и за счет изменения ее субъективного образа. При частичном разрешении конфликта он переходит в латентную фазу: мотивы к продолжению противоборства сохраняются, но они либо не реализуются из-за дефицита сил и ресурсов, либо сдерживаются формально-рациональной аргументацией, либо запрещаются согласно санкции третьей стороны.

Постконфликтная стадия. Конфликт оказывает существенное воздействие на его участников: меняется структура социальных групп; группы сплываются или распадаются; меняется групповая идентичность. Восприятие конфликта и его исхода зависят от его интенсивности. Конфликты высокой интенсивности и их исходы становятся значимыми для самоидентификации сообщества символами победы или поражения, предметом конкурирующих интерпретаций. Наряду с явными конфликт имеет и латентные последствия, поэтому границы этой стадии довольно трудно очертить.

5.3. Поведение в конфликте: групповые и индивидуальные стратегии

Репертуар поведения участников конфликта разнообразен. Определяется он не только логикой самого конфликта, но и предписанным статусом участников. Культурные, гендерные, возрастные характеристики существенно влияют на стиль поведения в конфликте.

Любая культура располагает определенным нормативным набором, регулирующим дозволенные способы выражения агрессивности, враждебности, недовольства. Так, европейская культура принципиально не одобряет «эксцессы близости» и «эксцессы враждебности» в публичных отношениях, «переход на личности». Во многих восточных культурах словесная агрессия рассматривается как «потеря лица». Культурные традиции, кодексы чести, представления о «правилах игры» для членов разных статусных групп лимитиру-

ют их выбор мобилизуемых средств, форм выражения притязаний, приемлемых способов завершения конфликта.

Особенно велико значение культурных норм как лимитирующего фактора в случаях, когда участники конфликта имеют сходные представления о социальных почестях, принадлежат к одной культурной традиции. Напротив, если в конфликте участвуют представители разных культурных традиций, вероятность непонимания сторонами друг друга, неожиданных интерпретаций нарастает. В этой ситуации залогом конструктивного разрешения конфликта становится специальное внимание и направление усилий участников конфликта на выработку взаимно приемлемых в культурном отношении лимитирующих факторов.

Каждая сфера жизнедеятельности общества – наука, политика, идеология, экономика – особым образом нормирует возникающие в ней коллизии, конкуренцию, борьбу. Например, если конфликт в сфере науки регулируется политическими или административными средствами, противоречащими собственно научной аргументации, то результат – монополия какой-либо концепции, школы, исследовательского направления – будет все равно нелегитимным в глазах научного сообщества и конфликт в латентном состоянии сохранится. Впрочем, это относится к ситуации «нормальной науки», в период же «смены парадигм» (Т. Кун) нарушение институциональных норм неизбежно. Бергер и Лукман, анализируя конфликты, которые возникают между группами, удерживающими монополию на определенный вид знания, и группами, которые поддерживают альтернативные символические универсумы, выделяют три стратегии: во-первых, носители конкурирующих концепций могут уничтожаться физически; во-вторых, сторонники альтернативной традиции могут сегрегироваться в рамках общества; наконец, в-третьих, конкурирующая концепция может быть интегрирована в монопольную доктрину после ее частичного пересмотра и корректировки.

Чем в более значительной степени социальный конфликт в той или иной сфере вызван инновациями (инновация – одна из форм девиантного поведения в интерпретации Р. Мертона), тем менее он институционализирован.

На поведение участников конфликта влияют, безусловно, и возрастные характеристики. Прежде всего, существуют определенные «возрасты жизни», в которых конфликтное поведение функционально для развития личности. Возраст членов социальных групп, мобилизуемых в конфликте, влияет на ка-

чество задач, решаемых ими в борьбе. Наконец, поведение в конфликте мужчин и женщин регулируется не только логикой конфликта, но и культурными нормами выполнения гендерной роли, различные интерпретации которых, в свою очередь, порождают конфликты.

При всей значимости культурной и институциональной детерминации поведения в конфликте оно подчиняется и своей собственной логике – логике взаимодействия в конфликте. Характер взаимодействия, описанный исходя из ряда параметров, позволяет выделять следующие логики, или стили поведения в конфликте: соперничество, уклонение, приспособление, сотрудничество, компромисс.

Широкое применение в конфликтологии нашел метод анализа стилей поведения в конфликте, разработанный в 1972 г. К. У. Томасом и Р. Х. Килменном. Взаимодействие участников конфликта описывается следующими параметрами:

- учет собственных интересов – учет интересов другой стороны;
- пассивность – активность;
- действия индивидуальные – действия совместные.

Сочетание этих параметров дает так называемую сетку Томаса – Килменна (рисунок).

Если одна сторона в конфликте стремится удовлетворить свои интересы в максимальной степени, причем в ущерб интересам другой стороны, действует при этом активно, мобилизуя свои силы и имеющиеся ресурсы, – это *стратегия соперничества*.

Стратегию соперничества может себе позволить участник конфликта, который обладает преимуществами властных полномочий, располагает превосходящими ресурсами (в том числе информационно-коммуникативными), бóльшим авторитетом. При этом он не заинтересован в изменении характера сложившегося взаимодействия или даже в самом взаимодействии. Стратегию соперничества, в свою очередь, вынуждены выбирать те, кто заинтересован в изменении сложившихся отношений, т. е. участники, которые, может быть, и не обладают достаточным количеством ресурсов, но полны решимости отстаивать собственные интересы, потому что для них они чрезвычайно значимы. Очевидно, что в так называемых экспрессивных группах, где существует высокая степень личностной вовлеченности участников в тесные, близкие отношения, такой стиль поведения вызывает либо протест, либо отчуждение.

Участнику конфликта рекомендуется избирать этот стиль в следующих ситуациях: 1) когда реализация собственных интересов значима безотносительно к исходу борьбы, а также когда, напротив, исход борьбы – цена победы или поражения – высоки, 2) когда участник располагает статусными или ситуативными преимуществами и его победа гарантирована, а также когда у него просто нет другого выхода, и он реализует собственные интересы, обрекая другого на поражение. Если же установившиеся отношения, в контексте которых возник конфликт, имеют большое значение для субъекта конфликта, если он стремится их сохранить, то к этому стилю прибегать не следует.

Если участники конфликта не заинтересованы в развитии конфликта, многого с ним не связывают, не готовы взаимодействовать друг с другом, а интересы, вступившие в противоречие во взаимодействии сторон, для них не значимы, они выберут *стратегию уклонения*.

Стиль уклонения выберет тот, кто считает противоборство неоправданной тратой сил. Если субъект не заинтересован в сотрудничестве, не придает особого значения возможному исходу конфликта (цена победы или поражения для него невелика), он, вероятно, уклонится от конфликта. Этот стиль уместен и в ситуации, когда взаимодействию с другим, напротив, придается важное значение, оно рассматривается как нечто самоценное, а в конфликте усматривается угроза установившимся отношениям. Такой стиль избирается вынужденно и в случае, если преимущества власти, авторитета, ресурсов принадлежат другой стороне. Наконец, этот стиль применяется и в качестве тактического средства ухода от конфликта, когда субъект не имеет адекват-

ного представления о ситуации или же оказался невольным участником чужого конфликта.

Во многих ситуациях стиль уклонения оказывается эффективным. Он далеко не всегда является свидетельством слабости позиции участника конфликта, а может быть, напротив, продиктован превосходством, бескорыстием одного из участников, может быть предписан ролевыми ожиданиями или ценностными предпочтениями, наконец, может использоваться в качестве отсрочки в надежде на изменение обстоятельств.

Если участник конфликта поступает своими интересами и тем самым дает возможность реализоваться интересам противоположной стороны, то это – *стратегия приспособления*. Такой стиль может быть избран в той или иной степени осознанно, если участники конфликта руководствуются ценностными и нормативными предпочтениями, которые заставляют их пренебречь своими интересами и дать возможность реализоваться интересам другого участника взаимодействия в силу того, что они более значимы в определенном контексте. Такой стиль уместен и в случае, если перспектива продолжения отношений для субъекта более значима, чем победа. Стиль приспособления вынужден избирать тот, кто находится в непривилегированной ситуации, кто зависим и имеет мало шансов на успех в противоборстве. Наконец, участник конфликта может согласиться выполнить требования другого ввиду некой целесообразности (педагогической, тактической и др.). Стиль приспособления рекомендуется избирать, когда участник конфликта сознает, что для противоположной стороны конфликт более интенсивен.

Если конфликтующие стороны настойчивы и последовательны в отстаивании собственных интересов, сознают при этом свою взаимосвязь, зависимость, значимость интересов противоположной стороны, заинтересованы в продолжении взаимодействия и активны в своих действиях – это *стратегия сотрудничества*.

Стиль сотрудничества наиболее уместен, если участники конфликта занимают равные социальные позиции или готовы игнорировать разницу в своем положении. Сотрудничество наиболее эффективно, если участниками конфликта становятся партнеры, между которыми существуют длительные отношения и функциональная зависимость. Это ситуация, в которой невозможен односторонний выигрыш или разрыв отношений. В этом стиле максимально реализуется принцип равенства: взаимно признается значимость

интересов каждой стороны, участники конфликта стремятся прийти к соглашению относительно приемлемого для обеих сторон решения общей проблемы. Применение этого стиля требует от участников аналитических усилий по диагностике состояния взаимоотношений, выявлению скрытых нужд, потребностей, латентных интересов сторон. Как правило, сотрудничество требует значительного времени. Готовность сторон совместно решать проблему в качестве общей заставляет их придерживаться определенных правил, воздерживаться от проявлений, которые могут быть истолкованы как враждебные. Стороны должны овладеть соответствующими технологиями разрешения споров, реализации социального партнерства, согласования интересов. Сотрудничество – творческий процесс. Здесь требуется разрабатывать варианты, придумывать модели, изобретать возможные сценарии. В этой ситуации значение конфликтологической компетенции (участников, посредников) особенно велико. В процессе сотрудничества вырабатываются новые нормы, происходят структурные изменения. Совместно найденный выход из конфликта укрепляет отношения социального партнерства.

Наконец, если социальные позиции участников конфликта примерно равны, взаимодействие функционально необходимо, расхождение интересов существенно, и эти расходящиеся интересы известны сторонам, избирается *стратегия компромисса*.

Стиль компромисса занимает центральное положение в сетке Томаса–Килменна. Он как бы синтезирует фрагменты остальных четырех стилей: требует от участников гибкости, мобилизации усилий и способности отказаться от части своих притязаний. Большое внимание участники уделяют реализации принципа дистрибутивной справедливости: примерно равное распределение ущерба и убытков, взаимные уступки.

Этот стиль рекомендован участникам конфликта, которые хорошо осведомлены об интересах друг друга, сложившейся расстановке сил и готовы с учетом всех «за» и «против» поступиться частью своих притязаний, чтобы продолжать отношения, выиграть время, сберечь силы. Стиль компромисса довольно часто оказывается вынужденным исходом и выбирается, когда остальные стили оказались неэффективны или же когда в ходе самого конфликта изменились условия взаимодействия, представления участников конфликта, их состав, структура, возможность мобилизовать ресурсы. Компетенция в этом стиле высоко ценится в менеджеральной культуре.

Важно отметить, что ни один из выделенных стилей не является наиболее эффективным безотносительно к конкретности самой ситуации. В реальных конфликтах на разных этапах могут быть применены разные стили, стили можно комбинировать, чередовать. Эффективность применения того или иного стиля либо комбинации стилей определяется следующими факторами: 1) социальные позиции, 2) поведенческие паттерны, 3) цели, интересы, притязания сторон, 4) характер сложившегося взаимодействия. Только учет всех этих факторов в определенном социальном контексте как на микроуровне, так и на макроуровне позволяет прибегнуть к наиболее эффективному в данной ситуации стилю.

Ранее упоминалось, что метод Томаса–Килменна был разработан специально для обучения управленцев. Речь идет о том, что с помощью этого метода можно проанализировать свои собственные сложившиеся предпочтения, расширить свой репертуар, лучше осознать возможности альтернативных стилей и в результате быть готовым к выбору, к вариативности и гибкости в конфликтах.

Контрольные вопросы

1. Можно ли анализировать конфликт безотносительно к его индивидуальным особенностям?
2. Дайте определение конфликта.
3. Выделите и охарактеризуйте основные элементы конфликта.
4. Каковы основные этапы и условия формирования конфликтных групп?
5. Какие этапы проходит конфликт в своем развитии?
6. Почему в ходе конфликта неизбежна «переоценка ценностей»?
7. Предложите свой вариант типологии конфликтов, например, в молодежной среде, или в семье, или в «школе».
8. Какое влияние на поведение в конфликте оказывают культурные и институциональные нормы?
9. Каковы основные стили поведения в конфликте и условия их эффективности?
10. Какой стиль поведения в конфликте типичен для вас?

Тема 6. РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ

Конфликты различаются по степени их *нормативной регулируемости*. Полностью институционализированным конфликтам (типа соревнования, дуэли или игры) противостоят конфликты абсолютные, которые продолжаются «любой ценой», «до последней капли крови». Между ними, как справедливо отмечает Л. Коузер, находится спектр в той или иной степени институционализированных конфликтов, которые, заключая в себе ряд лимитирующих факторов, вместе с тем содержат неопределенность по ряду параметров.

Если конфликт институционализирован не полностью, то оценка позиций сторон, их сравнительной силы, характера сложившегося взаимодействия становится предметом различных интерпретаций как со стороны его участников, так и в более широком социальном контексте. Участники конфликта, следовательно, заинтересованы, чтобы кульминация конфликта, его переломный момент были обозначены как можно более четко. Окончание конфликта в таком случае становится проблемой, которую должны решать оба оппонента.

6.1. Завершение конфликта

Завершение всех видов конфликтов, за исключением абсолютных, предполагает обоюдную активность соперников. Общность интересов вынуждает соперников принять такие правила, которые усиливают их зависимость друг от друга в самом процессе отстаивания антагонистических целей. Договоренности подобного рода способствуют самоликвидации конфликтов; в той мере, в которой принятые правила соблюдаются, конфликт институционализируется и приобретает черты состязательной борьбы, что вовсе не исключает его высокой интенсивности.

Соглашения, в которых четко зафиксированы цели противников, оговорены момент и форма исхода борьбы, уменьшают длительность конфликта. Если одна из сторон добилась реализации своих интересов, осуществила свои цели, а другая признала это как факт своего поражения, то конфликт исчерпан. Чем точнее определен предмет конфликта, чем четче очерчены разногласия, чем очевиднее признаки, определяющие преимущества, тем более вероятно, что конфликт будет локализован в пространстве и во времени.

Чем ограниченнее устремления оппонентов, чем более четко очерчены их стремления и притязания к противоположной стороне, тем более вероятно, что побежденная сторона пойдет на уступки. Требования победителя не должны выглядеть чрезмерными, а проигрывающий должен прийти к выводу, что перспектива продолжения противоборства для него менее привлекательна, чем заключение мира.

Рассмотрим, что заставляет участника конфликта признать свое поражение. Разные противники могут иметь разные мнения по поводу тяжести своего положения или оправданности цены за понесенные жертвы и потери. Оценки такого рода бывают крайне затруднительны, поскольку они не могут быть сделаны только с учетом формальной рациональности. Во внимание должны быть приняты культурные традиции, ценностные предпочтения, аффективные аспекты восприятия ситуации. В данном контексте велико значение символических определений ситуации, значимых для участников.

Природа «символических ключей-ориентиров» может существенно варьироваться. Вероятный победитель должен быть осведомлен в том, какие именно события, явления, факты его оппонент расценит как символ своего поражения или победы. Захват столицы, преодоление естественного рубежа, исчерпание определенных ресурсов, количество понесенных жертв, физическое уничтожение или дискредитация лидера могут быть значимыми символами и поражения, и победы.

Препятствием для признания той или иной совокупности событий в качестве недвусмысленного символа неудачи может служить внутренняя борьба. Даже в случае, когда факт поражения осознается большинством, меньшинство может по-прежнему отстаивать возможность дальнейшего сопротивления. Отдельные группы могут прийти к заключению, что лидеры, принимавшие решения и согласившиеся пойти на уступки, предали общее дело. Группы могут расходиться в оценке того или иного события, как имеющего решающее значение для исхода борьбы. Оценки условий заключения мира также варьируются в зависимости от этапа конфликта и перспективы. В интегрированных структурах несогласие возбуждает и усиливает энергию групп, но если расхождения по поводу адекватности тех или иных действий затрагивают глубинные пласты общих верований, то символы победы или поражения могут оказаться разными для разных групп.

В слабоинтегрированных социальных структурах, где множество внутренних конфликтов накладываются друг на друга, общее восприятие ситуации и ее однозначная оценка вообще могут оказаться невозможными. Когда ни одна из внутренних партий не желает принять определение ситуации, предложенное другой, заключение мира проблематично. Разрешение межгруппового конфликта имеет тогда своей предпосылкой достижение согласия внутри группы или, по крайней мере, достижение баланса сил между враждующими группировками.

Большинство социальных групп содержит в себе различные позиции, определяющие перспективы ее членов. Эти позиции «императивно координированы» (Р. Дарендорф) и, в частности, означают несовпадение позиций доминирующих и доминируемых, лидеров и рядовых членов. *Лидер* должен обладать авторитетом и умением убедить членов группы в оправданности жертв, в том, что борьба ведется в интересах группы в целом, а не отдельных ее членов, что необходимость признать поражение продиктована общими интересами. Лидер должен располагать средствами анализа и рациональной оценки последствий конфликта для группы.

Стремление прекратить противоборство и заключить соглашение не всегда означает готовность признать себя побежденным. Желать завершения конфликта можно не только в результате победы, но и вследствие осознания невозможности достичь реализации своих интересов или осознания неприемлемости платы за победу (в более общем виде – осознания меньшей привлекательности продолжения конфликта по сравнению с его завершением).

Обсуждение возможности компромисса предполагает использование общих символов, которые и обеспечивают сходство оценок в сложившихся условиях.

При всей неопределенности форм и границ завершения конфликтов, можно выделить следующие *типичные способы завершения конфликта*:

- насилие (вплоть до физического уничтожения);
- разъединение (вплоть до сегрегации);
- регулирование (вплоть до достижения согласия).

Насилие, принуждение к выполнению воли некоего участника взаимодействия вопреки сопротивлению другого участника взаимодействия прямо и опосредованно применяется во всех обществах. Нормой современных обществ является то, что именно государство обладает в них монополией на

физическое насилие. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что применение физического насилия социальными субъектами в рамках внутригрупповых, межгрупповых, межличностных (семья, корпорация, школа, церковь) конфликтов не легитимно с формально-рациональной точки зрения. Хотя оно и может быть положительно-функциональным с психологической точки зрения (разрядка), а в некоторых случаях – быть продиктовано культурными нормами.

Разъединение означает прекращение взаимодействия. Это может быть разъединение в буквальном смысле слова – разделение в пространстве и во времени, а может быть символическое разъединение – прекращение коммуникаций. Частным случаем разъединения, по сути граничащим с насилием, выступает сегрегация, когда одна статусная группа или сообщество удерживает на непривилегированных социальных позициях представителей конкурирующей группы за счет приписывания ей какого-либо признака, на основании которого группа исключается из коммуникаций.

Разумеется, разъединение не всегда возможно. Чем больше взаимозависимость сторон, тем менее вероятно, что разъединение окончательно. Тем не менее, это достаточно эффективный способ завершения конфликта, поскольку именно разъединение, позволяющее избегать прямых и частых взаимодействий, помогает иногда участникам конфликта восстановить взаимодействие, пусть и в опосредованной форме.

Согласие редко бывает результатом подавления или «отмены» конфликта. Оно достигается в результате *регулирования*.

Тема регулирования и предупреждения конфликта неисчерпаема, так как здесь могут быть представлены различные аспекты теории социального управления; описаны различные технологии; даны рекомендации, адресованные индивидам как персонификациям социальных ролей, абстрактным индивидам и дифференцированные в соответствии с позициями, занимаемыми ими в самом конфликте (оппоненты, посредники, медиаторы). Эти рекомендации могут быть конкретизированы применительно к типу конфликта, стилю поведения в конфликте и т. д.

Формы регулирования конфликта. Регулирование конфликта является наиболее эффективным средством уменьшения насильственности почти всех его видов. Р. Дарендорф подчеркивал, что конфликты не исчезают посредством их регулирования, их интенсивность может и не снизиться, но регули-

рование означает, что они контролируются и приводят к структурным преобразованиям. Успешное регулирование конфликтов предполагает выполнение ряда условий. Прежде всего, конфликт и связанные с ним противоречия во взаимодействии сторон должны быть признаны. Манифестация конфликтов, их кристаллизация, артикуляция (например, организация конфликтных групп) положительно влияют на возможность их урегулирования.

Участники должны согласиться на известные «правила игры», в соответствии с которыми они хотят разрешать свои конфликты. Правила игры, типовые соглашения, конституции, уставы могут быть эффективны только в том случае, если они с самого начала не отдают предпочтение одному из участников в ущерб другому и ограничиваются формальными аспектами конфликта.

Существует ряд форм, в которых участники конфликта могут урегулировать свои разногласия: переговоры, посредничество третьей стороны, партнерство. О них и пойдет речь далее.

6.2. Переговоры

Рассмотрим основные переговорные стили и связанные с ними тактики.

Переговоры – не только этап конфликта, но и форма его самодвижения. Параметры, примененные в методе Томаса–Килменна для выделения стилей поведения в конфликте, значимы и для *типологии переговорных стилей*.

Жесткий стиль соответствует стратегии соперничества; предполагает максимальную активность в реализации своих интересов, нежелание учитывать интересы другого, отказ от совместных действий. Все это демонстрируется оппоненту в расчете на исход конфликта по типу «выигрыш–проигрыш». Если оба оппонента настроены подобным образом, то в результате возрастает вероятность исхода по типу «проигрыш–проигрыш».

Мягкий стиль соответствует стратегии приспособления; предполагает нацеленность на налаживание отношений с оппонентом даже в ущерб собственным интересам и готовность к исходу конфликта «проигрыш – выигрыш». Если оба оппонента настроены именно так, можно получить результат «проигрыш–проигрыш».

Торговый стиль соответствует стратегии компромисса, предполагает обмен уступками. Исход не определен.

Партнерский стиль соответствует стратегии сотрудничества; предполагает активный поиск способа согласования своих интересов с интересами оппонента. Нацелен на исход «выигрыш–выигрыш».

При использовании этих стилей оппоненты применяют различные *тактики*. Так, жесткий стиль реализуется в многообразных тактиках: ультиматум, тактика позиционного давления, выжимание уступок, психологическое давление.

Ультиматум. Участник конфликта в директивной форме предъявляет требования оппоненту, оговаривает, в какой срок они должны быть исполнены, и угрожает применить меры принуждения в случае отказа. Ультимативная тактика уместна только в случае, если переговорный процесс должен быть завершён в сжатые сроки. При этом предварительно должна быть рассмотрена следующая альтернатива:

- противник выполнит предъявленные требования;
- противник откажется выполнить предъявленные требования.

В последнем случае надо четко представлять, обладает ли тот, кто выдвинул ультиматум, средствами принуждения, готов ли он их мобилизовать, каковы будут последствия.

Воздействие ультиматума может быть усилено за счет применения различных приемов.

Рассчитанная задержка. Переговоры под разными предлогами откладываются и назначаются на момент, когда оппонент находится в самом невыгодном положении.

«Выбор из двух зол». Противнику предлагается в форме ультиматума два и более варианта завершения конфликта. При этом создается иллюзия выбора.

Участник конфликта может усилить свою позицию, продемонстрировав, что не он контролирует ситуацию, а скорее условия и обстоятельства вынуждают его предлагать ультиматум, – у него нет другого выхода.

Ультиматум может быть применен с целью прекращения переговоров и перехода к насилию. Тогда он формулируется в заведомо неприемлемой форме.

Тактика «выжимания» уступок. В отличие от ультиматума реализуется посредством последовательного выдвижения требований оппоненту. В ходе переговоров одна сторона повышает свои требования по мере того, как другая делает уступки. Эта тактика имеет двойное преимущество: оппоненту кажется,

что снимается необходимость уступать по всей проблеме, и при этом он спешит согласиться на очередное требование, пока не выдвинуто новое.

«*Неуступчивый партнер*». Чтобы оправдать свою неуступчивость и отказ от принятия договоренности, оппонент может сослаться на неуступчивого партнера или на неопределенность своих полномочий. В последнем случае оказывается, что вышестоящие инстанции готовы согласиться принять предлагаемое соглашение только после внесения в него поправок.

Внешняя опасность. Демонстрируется готовность принять предложение оппонента, но при этом делается предупреждение о том, что выполнить его не удастся из-за вмешательства неконтролируемых сил. Тем самым оппоненту предлагается выбор: снять свое предложение либо признать допустимость его невыполнения «по независящим от договаривающихся сторон» обстоятельствам.

В репертуар жесткого стиля могут входить и различные *приемы психологического давления*. Они направлены на то, чтобы вызвать у оппонента чувство дискомфорта, желание поскорее завершить переговоры и сделать при этом незапланированные уступки. Это может быть намеренное принижение оппонента в форме личных нападок. Под сомнение могут быть поставлены квалификация, полномочия, личные качества, опыт оппонента. Поучающие указания, комментарии по поводу внешнего вида или психологического состояния, произвольная интерпретация мотивов и невысказанных намерений, наконец, игнорирование оппонента, искусственное затягивание переговоров – эти и многие другие приемы психологического давления рассчитаны на то, чтобы получить больше уступок, навязать неприемлемое соглашение.

В рамках конфликтологии ставится задача не только проанализировать различные переговорные стили, но и обсудить технологии, позволяющие противостоять давлению, противодействовать манипулятивным уловкам, которые могут применяться как на групповом, так и на индивидуальном уровнях. Широкое признание в этой связи завоевала книга Р. Фишера и У. Юри «Путь к согласию или переговоры без поражения». Эта работа имеет явно выраженную инструментальную направленность; анализ конфликтного взаимодействия выдержан в ней в форме рекомендаций участнику конфликта: как быть, если они сильнее. Суть этих рекомендаций может быть сведена к следующему:

1. Отделите людей от проблемы: обсуждайте сложившуюся ситуацию, а не субъективные намерения.

2. Сосредоточьтесь на интересах, а не на позициях.

3. Изобретайте взаимовыгодные варианты.

4. Настаивайте на использовании объективных критериев.

Участник конфликта, ведущий переговоры в мягком стиле, готов отказаться от своих притязаний ради поддержания отношений с оппонентом. Суть переговоров в мягком стиле не в том, чтобы идти во всем навстречу оппоненту и делать любые уступки, а в том, чтобы снять напряженность отношений, возникшую из-за расхождений по какому-то вопросу. Уступки – не самоцель, а средство решения этой задачи. Избрав мягкий стиль, вы можете игнорировать те преимущества, которые вам дают служебное положение, возраст, авторитет, репрезентативная роль. При мягком стиле уместны самокритика (но не нарочитая), представление уступок как целесообразных действий, а не как благодеяний, что дает возможность партнеру «сохранить лицо». В психологическом отношении мягкий стиль требует эмпатического понимания оппонента, учета его чувств и эмоционального состояния. Оппоненту надо дать возможность высказать свои замечания, упреки и т. д. Чтобы снять напряжение, можно попытаться воспользоваться следующей методикой:

1-й шаг – описание конфликта, по возможности объективное, без оценок и эмоций;

2-й шаг – выражение, т. е. высказывание вашего отношения и оценка ситуации, поведения – своих и оппонента;

3-й шаг – предложение, т. е. вынесение на обсуждение более приемлемого варианта развития ситуации за счет изменения поведения сторон;

4-й шаг – вознаграждение, т. е. определенное суждение о благоприятных последствиях для оппонента в случае, если он примет ваше предложение.

Регулирование конфликта путем переговоров в торговом стиле иначе называется *позиционным торгом*. При позиционном торге действует принцип «уступка в обмен на уступку». Если при жестком стиле оказывается давление на оппонента, то здесь он добровольно уступает в какой-то части своих притязаний. В отличие от мягкого стиля тут для оппонентов важно не налаживание отношений само по себе, а реализация своих интересов. Позиционный торг не уместен в близких и экспрессивных отношениях, но широко

применяется в экономической и политической сферах. Предметом формально-рационального анализа здесь выступают позиции, которые могут быть описаны определенным набором параметров; каждый из них допускает количественное выражение.

Тактики, применяемые при торговом стиле, разнообразны. Соответствуя стратегии компромисса, этот стиль допускает комбинацию приемов мягкого и жесткого стилей, имитацию этих стилей. Особенно велико в ситуации позиционного торга значение информационной составляющей взаимодействия: насколько хорошо стороны информированы о намерениях, возможностях и пределах уступок, на которые может пойти оппонент; насколько целесообразно их раскрывать во время переговоров. Во всяком случае, неполное раскрытие информации в данном случае не является обманом. Способом получения информации служат сами переговоры: высказывание разнообразных предложений, обсуждение вариантов, выстраивание промежуточных предложений в определенную последовательность позволяют направить размышления оппонента в желательном направлении, обнаружить иерархию его приоритетов, скрываемые намерения.

Наконец, партнерский стиль урегулирования конфликтов соответствует модели согласования интересов. Переговоры могут быть интерпретированы как *«пошаговая» модель согласования противоречивых или расходящихся интересов.*

Зададимся вопросом: почему даже в случае явно выраженного противоречия интересов поиск взаимовыгодного решения оправдан. Ответ вытекает из понимания сути конфликта как формы взаимодействия социальных субъектов. У конфликта всегда есть явные и скрытые причины; участники конфликта имеют разные представления как о самом конфликте, об оппоненте, так и о своих приоритетах. Существование скрытых причин и неявных предположений и превращает переговоры в своего рода искусство. Оно состоит в способности обнаружить скрытые мотивы, невысказанные притязания; начать с требования уступок в том, что сторонам представляется второстепенным, в обмен на удовлетворение других, не лежащих на поверхности интересов; изобрести новые поводы для взаимодействия и тем самым приблизить стороны к взаимовыгодному решению. Для этого можно воспользоваться следующей методикой:

- 1-й шаг: контроль эмоциональной сферы;
- 2-й шаг: соглашение о правилах;

- 3-й шаг: артикуляция позиций;
- 4-й шаг: конкретизация проблемы;
- 5-й шаг: обсуждение вариантов решения проблемы;
- 6-й шаг: достижение соглашения.

Если в процессе обсуждения вариантов решения проблемы участники конфликта сообща выбрали оптимальный, то конфликт уже почти урегулирован, согласие достигнуто. Однако в реальности этот оптимальный вариант предлагается одним из оппонентов или третьей стороной, а стало быть, его еще надо сделать убедительным для другого.

Достаточно эффективным методом убеждения является *критический обзор других вариантов*. Все варианты должны быть высказаны и развиты, чтобы появилась возможность аргументированно от них отказаться. Для этого используются различные техники: аргументы оппонента могут быть применены против его собственной точки зрения; часть аргументов противника может быть обесценена и проигнорирована за счет того, что один из участников конфликта апеллирует к некоей ценностной иерархии, в рамках которой аргументы эти не столь значимы. Аргументы в пользу неприемлемого решения могут быть разбиты на три группы: не вызывающие сомнения, сомнительные и неадекватные. Критику можно сначала направить на наиболее слабые уязвимые пункты, что позволит сделать позицию оппонента в целом менее убедительной. Эффективна техника видимой поддержки, когда один из оппонентов помогает другому развить его позицию, даже выдвигает дополнительные аргументы в ее пользу. После такой поддержки критика подхода к решению проблемы воспринимается менее болезненно. В любом случае не следует начинать с констатации неправоты оппонента.

Решение, представляющееся оптимальным, наиболее убедительно, если оно сформулировано после критического разбора альтернатив; если в нем акцентируется близость, а не различие в позициях сторон; если вызывающие разногласия вопросы удалось связать с теми, по которым можно договориться; если это решение открывает какие-то перспективы для обоих участников конфликта; если в нем подчеркивается значение личных и групповых мнений, положительно влияющих на самооценку оппонентов.

В конечном итоге стороны формулируют соглашение, в котором четко и понятно для обеих сторон определяются решение, способы контроля за его выполнением и санкции за его нарушение.

6.3. Посредничество третьей стороны

Переговоры участников конфликта могут оказаться безрезультатными. В таких случаях эффективным может оказаться привлечение *третьей стороны* – непосредственно не участвующих в конфликте лиц и инстанций. Это привлечение может быть обязательным или добровольным, а статус третьей стороны – официальным и неофициальным. Роль третьей стороны в регулировании конфликта может варьироваться: третейский судья, арбитр, посредник (медиатор). Роль *третейского судьи* наиболее авторитарна: он изучает конфликт и выносит вердикт, обязательный для участников конфликта. *Арбитр* также выносит решение, обязательное для исполнения, но его можно обжаловать. Роль *посредника* заключается в том, чтобы обеспечить конструктивное обсуждение конфликта: выявить противоречия, нейтрализовать взаимные обвинения, найти приемлемое решение и рекомендовать его оппонентам. Решения, вынесенные арбитрами, в меньшей степени интегративны, чем решения, найденные самими участниками конфликта с помощью посредника.

Медиация завоевывает все большее признание как эффективная форма досудебного регулирования конфликтов. В США подобная практика регулирования трудовых споров, споров покупателей и продавцов и пр. широко распространена; конфликтные комиссии появились и в России.

Эффективность посредничества зависит: 1) от того, насколько стороны заинтересованы в разрешении конфликта и готовы учесть мнение медиатора, 2) от интенсивности конфликта, а также от того, насколько третья сторона заинтересована в урегулировании конфликта, 3) от того, обладает ли посредник необходимыми авторитетом, знаниями и навыками. Посредник должен уметь анализировать ситуации, позиции, противоречия, он должен также уметь налаживать коммуникативные связи и каналы, развивать отношения. Психологическая и культурная чувствительность – важная предпосылка успешной работы посредника. Наконец, важны и специальные навыки – овладение *тактиками посредничества*.

Активное выслушивание. При всей кажущейся простоте – это достаточно эффективная методика. Выслушивание сторон и воспроизведение их восприятия конфликта позволяет осуществить эффект объективации. В том образе, который есть у каждого из оппонентов, посредник выделяет факты, со-

бытия, их интерпретации, оценки, наконец, чувства, которые они вызывают. Он не комментирует их, не оценивает, а только различает и обозначает, что позволяет участникам конфликта отделить проблемы от людей.

Челночная дипломатия. В конфликтах, характеризующихся высокой насильственностью и интенсивностью, может быть целесообразно разделение конфликтующих сторон. Посредник выслушивает каждую из сторон и доводит до противоположной стороны предложение оппонента.

Давление на одного из оппонентов. Если одна из сторон менее склонна к урегулированию конфликта на основе приемлемого соглашения, посреднику приходится больше работать с ней над изменением ее позиции.

Директивное воздействие. Посредник осуществляет критический анализ действий оппонентов, проясняет недостаточную аргументированность их позиций, нереалистичность предложений.

Посредник может оказать помощь в идентификации проблем, в осмыслении ключевых позиций переговорного процесса, в открывании новых точек зрения на проблемы, например, за счет подключения дополнительных информационных ресурсов. Он также может предложить «согласие о несогласии», т. е. выделить область несогласия для обсуждения остальных аспектов.

Основные этапы процесса посредничества следующие:

1-й этап. Подготовка медиации. Анализ условий, обстоятельств возникновения конфликта. Оценка перспектив регулирования конфликта. Сообщение о медиации. Организация процесса (определение места, времени, формы работы). Ознакомление с правилами, разъяснение роли посредника.

2-й этап. Сбор информации. Артикуляция позиций.

3-й этап. Выявление за позициями интересов. Определение зон согласия и несогласия. Определение приоритетов.

4-й этап. Генерирование вариантов решения исходя из интересов участников конфликта.

5-й этап. Оценка и выбор (расширенный с помощью новых аргументов и дополнительной информации) варианта приемлемого соглашения. Прояснение социальных и технических условий осуществления соглашения.

6-й этап. Выработка соглашения. Проверка его осуществимости вне режима медиации. Обсуждение практических шагов по его реализации и форм контроля результатов.

6.4. Социальное партнерство

Понятие социального партнерства появилось в России в начале 90-х гг. XX в. и отвечает сути осуществляемых в стране демократических преобразований. Относительная автономия гражданской, государственной и частной сфер в жизни общества, пришедшая на смену патернализму советской системы, открыто признает существование расходящихся, несовпадающих и противоречащих друг другу интересов разных социальных групп. Вместе с тем велика взаимозависимость этих групп. Наемные работники, объединенные в профсоюзы, предприниматели и их ассоциации, органы исполнительной власти в рамках социального партнерства имеют возможность путем переговоров регулировать конфликты, осуществлять их профилактику, вырабатывать значимые для всех участников определения ситуации, договариваться о «правилах игры». Информирование партнеров о своих намерениях и планах, выработка ряда критериев и параметров для равнозначных оценок сути происходящих процессов, привлечение всех заинтересованных групп к участию в принятии решения – важнейшие задачи, решаемые в рамках социального партнерства.

В России правовые основания социального партнерства заложены Указом Президента РФ № 212 от 15 ноября 1991 г. «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)».

Предметами партнерства выступают занятость, условия труда, заработная плата, социальные гарантии, защита непривилегированных социальных групп, помощь бедным, экология, гарантии для деятельности союзов и организаций.

Центральное место в социальном партнерстве занимают вопросы социально-трудовых отношений:

- достижение согласия о форме и размере оплаты труда, денежных вознаграждений, пособий, компенсаций, доплат;
- установление механизма регулирования оплаты, труда исходя из роста цен, уровня инфляции, динамики показателей, определенных коллективным договором;
- обеспечение занятости, а в случае необходимости – переобучения и переквалификации;
- договоренности о продолжительности рабочего времени и времени отдыха, об отпусках и страховании;

- разработка мер по улучшению условий и охраны труда, экологической безопасности и охраны здоровья работников.

Обеспечивая согласование государственных интересов, интересов бизнеса и наемных работников, институт социального партнерства способствует развитию гражданского общества, социально-экономической безопасности и социальной справедливости.

Контрольные вопросы

1. Сформулируйте типичные проблемы, решаемые в процессе завершения конфликта.
2. Какова роль символов победы и поражения в завершении конфликта?
3. Охарактеризуйте роль и задачи, решаемые лидером в конфликте.
4. Охарактеризуйте типичные способы завершения конфликта.
5. При соблюдении каких условий возможно успешное регулирование конфликтов?
6. Проанализируйте основные формы регулирования конфликтов.
7. Почему переговоры – это искусство?
8. Проанализируйте модель согласования расходящихся интересов.
9. Дайте характеристику основных переговорных стилей и применяемых в них тактик.
10. Как противостоять давлению в процессе переговоров?
11. Какие приемы посредничества вам известны?
12. Какие социально-экономические проблемы решаются в процессе социального партнерства?

Список рекомендуемой литературы

Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. 5-е изд. СПб.: Питер, 2013.

Анцупов А. Я. , Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. СПб.: Питер, 2006.

Валлерстайн. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Уни-вер. книга, 2001.

Вебер М. Основные понятия стратификации// Социс. 1994. № 5. С. 147–156.

Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5. С. 142–146.

Дмитриев А. В. Социальный конфликт: общее и особенное. М.: Гардарики, 2002.

Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Зеркин Д. П. Основы конфликтологии: курс лекций. Ростов н/Дону: Феникс, 1998.

Коузер Л. Основы конфликтологии. СПб.: Светлячок, 1999.

Конфликтология: хрестоматия / сост. Н. И. Леонов. М.: Мос. психолого-социальный ин-т, 2006.

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.

Лоренц К. Агрессия. М.: Прогресс, 1994.

Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социс. 1992. № 3. С. 104–114; № 4. С. 91–96.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997.

Прикладная конфликтология: хрестоматия. Минск: Харвест, 1999.

Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения. М.: Наука, 1990.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. филос. 1990. № 3. С. 134–147.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. М.: Наука, 1987.